

ВЕНОК ПОЭТУ

ВЕНОК ПОЭТУ

К 280-летию со дня рождения

Г. Р. ДЕРЖАВИНА

Гавриил Романович Державин (1743–1816)

Неизвестный гравер с рисунка К. Жуковского, восходит к оригиналу Н. И. Тончи 1801 года. 1845. Гравюра на стали

Всероссийский музей А. С. Пушкина
Музей Г. Р. Державина и русской словесности его времени

ВЕНОК ПОЭТУ

Сборник стихотворений, посвященных
Г. Р. Державину

Санкт-Петербург

2024

В29 Венок поэту : сборник стихотворений, посвященных Г. Р. Державину / сост., подгот. текстов и коммент. Н. П. Морозовой. — Санкт-Петербург : Всероссийский музей А. С. Пушкина, 2024. — 184 с.

ISBN 978-5-6052199-2-7

В книге собраны стихотворения, посвященные Г. Р. Державину поэтами XVIII–XX веков — его и нашими современниками. Они написаны в разных жанрах и по разным поводам. Самые ранние прославляют поэта как автора оды «Фелица», по-новому воспевавшей императрицу Екатерину II. Они были опубликованы в журнале «Собеседник любителей русского слова» и чаще всего имели форму Письма издателем. Создание гравированных и живописных портретов, бюстов Державина стало поводом к сочинению стихотворных надписей к ним. Немало откликов вызвала деятельность поэта на государственной службе, особенно на посту министра юстиции. В них прославлялись его справедливость и честность. Скорбные элегии и эпитафии появились в связи с кончиной поэта. Для потомков Державин, прежде всего, гениальный поэт, они «помнят барда своего» и не устают им восхищаться.

ББК 84 (2Рос=Рус) 1–5

Содержание

Предисловие (<i>Н. П. Морозова</i>)	9
<i>В. М. Жуков</i> . Сонет К сочинителю оды к Киргиз- Кайсацкой Царевне Фелице.	11
<i>М. В. Сушкова</i> . Письмо китайца к Татарскому Мурзе, живущему по делам своим в Петербурге (фрагмент)	12
<i>Е. И. Костров</i> . Письмо к творцу оды, сочиненной в похвалу Фелицы.	14
<i>Ф. П. Львов</i> . Доброму человеку	18
<i>И. И. Дмитриев</i> . К портрету Г. Р. Державина	20
<i>Н. С. Смирнов</i> . К Мурзе	21
<i>В. В. Капнист</i> . Певцу Фелицы	24
<i>В. А. Озеров</i> . Ода Гавриилу Романовичу Державину на получение им ордена св. Анны первого класса в 1798 году	25
<i>Н. А. Львов</i> . Державину	27
<i>А. М. Бакунин</i> . Г. Р. Державину	29
<i>Д. И. Хвостов</i> . Гаврииле Романовичу Державину	31
<i>А. Ф. Воейков</i> . Сатира к С<перанскому> об истинном благородстве (фрагмент)	33
<i>А. А. Палицын</i> . Послание к Привете, или Воспоминание о некоторых русских писателях моего времени	34
<i>А. П. Бунина</i> . Сумерки	35
<i>Н. В. Семивский</i> . Воззвание к Бессмертному и Неподражаемому Певцу нашего времени	39
<i>А. А. Палицын</i> . Гавриилу Романовичу Державину	41
<i>В-в</i> . «Но я ль безвестной лирой смею...»	46

<i>А. Ф. Воейков. К Н. В. С. (фрагмент)</i>	47
<i>Е. И. Ланская. «В лучезарной колеснице...»</i>	48
<i>К. Н. Батюшков. Мои Пенаты. Послание к Ж<уковскому> и В<яземскому></i>	49
<i>Т. Беляев. Песнь курайча Рифейских гор (фрагмент)</i>	50
<i>А. Нестеров. Певцу Фелицы</i>	52
<i>Б. М. Федоров. К музам (фрагмент)</i>	54
<i>Г. Н. Городчанинов. Надпись к портрету Гавриила Романовича Державина</i>	55
<i>О. Сомов. Державину. Сонет</i>	56
<i>В. Н. Олин. Элегия на смерть Державина</i>	57
<i>А. Е. Измайлов. Эпитафия Державину</i>	59
<i>П. И. Шаликов. Эпитафия Гавриилу Романовичу Державину</i>	60
<i>Н. Г. Городчанинов. Парнасский цветок на могилу Гавриила Романовича Державина</i>	61
<i>А. Волкова. Надгробный цветок знаменитому северному Барду, Гавриилу Романовичу Державину</i>	62
<i>В. В. Капнист. На кончину Гавриила Романовича Державина</i>	64
<i>В. В. Капнист. Ода на смерть Державина</i>	65
<i>В. В. Капнист. На тленность</i>	70
<i>С. В. Капнист. Горсть земли на могилу благодетеля.</i>	71
<i>А. А. Дельвиг. На смерть Державина</i>	75
<i>А. И. Нестеров. При гробе Державина</i>	77
<i>Н. М. Шатров. Праху Державина.</i>	78
<i>В. С. Филимонов. Надгробная песнь Державину.</i>	81
<i>Н. Ф. Грамматин. Надпись к портрету Державина</i>	84
<i>М. В. Милонов. На кончину Державина. Элегия</i>	85
<i>А. Родзянко. Державин</i>	87

<i>П. А. Плетнев.</i> Гробница Державина. Элегия	93
<i>В. И. Панаев.</i> К родине (фрагмент).	96
<i>А. Д. Илличевский.</i> На кончину Державина	97
<i>К. Рылеев.</i> Дума Державин	98
<i>В. И. Туманский.</i> Век Елисаветы и Екатерины (Отрывок из послания к Державину).	102
<i>Б. М. Федоров.</i> Ободрение (фрагмент).	105
<i>К-в <М. Д. Костогоров>.</i> Предание (фрагмент).	107
<i>М. Деларю.</i> К бюсту Державина	108
<i>Л. Ибрагимов.</i> Память великому Державину	109
<i>К. А. Д.</i> На открытие памятника Гавриилу Романовичу Державину в Казани	111
<i>А. Н. Майков.</i> Памяти Державина. При получении известия о победах при Синопе и Ахалцихе.	112
<i>Г. Шенгели.</i> Державин	116
<i>О. Э. Мандельштам.</i> Стихи о русской поэзии	118
<i>В. Ф. Ходасевич.</i> «Не ямбом ли четырехстопным...».	119
<i>Ю. Домбровский.</i> Державин.	121
<i>Н. Браун.</i> Державин.	124
<i>Д. Самойлов.</i> Старик Державин	125
<i>Г. Шпаликов.</i> Из цикла «Три посвящения Пушкину»	127
<i>С. Дрофенко.</i> Державин	128
<i>Р. Рождественский.</i> Державин в Петрозаводске	130
<i>А. М. Городницкий.</i> Дом на Фонтанке	131
<i>Я. В. Смеляков.</i> Лавровый венок.	133
<i>Б. Окуджава.</i> Державин	135
<i>Б. Ахмадулина.</i> «Я встала в шесть часов. Виднелась тьма во тьме...»	136

<i>В. М. Василенко.</i> Державин	137
<i>В. Британишский.</i> «Державин был солдат...»	138
Архитектура и акустика державинской оды. . .	138
Дым отечества.	139
Старик Державин	139
<i>Б. Корнилов.</i> Колокола Державина	141
<i>А. С. Кушнер.</i> «Поднимаясь вверх по течению реки времен...» . .	142
Комментарии	143
Словарь имен и названий	181

Предисловие

Благодарные современники и потомки посвятили Гавриилу Романовичу Державину более 100 стихотворений, опубликованных в периодических изданиях, альманахах, сборниках, иногда в виде отдельных брошюр. Державинская тема волновала как именитых поэтов, среди которых В. В. Капнист, И. И. Дмитриев, К. Н. Батюшков, В. И. Панаев, А. Майков, Г. Шенгели, О. Мандельштам, Д. Самойлов, Б. Ахмадулина, так и малоизвестных. Б. Окуджава так сказал об этом в стихотворении «Державин»:

Стоит на миг оглянуться,
встретиться взором с тобой —
слышно: поэты клянутся
кровью твоей голубой.

Разнообразен жанровый состав посвященных Державину произведений: дружеское послание, надпись к портрету, сонет, «песнь», воззвание, элегия, эпитафия, ода, дума. Различны поводы их создания. Для современников — это публикация оды «Фелица», поздравление с каким-либо событием: получением ордена, назначением на должность статс-секретаря, министра юстиции, встреча с поэтом, участие в поэтическом диалоге с ним; печальным поводом для появления скорбных элегий и эпитафий стала кончина Державина. Один из откликов на нее был таким:

Державин умер!.. слух идет,
И все молве сей доверяют.
Но здесь и тени правды нет:
Бессмертные не умирают!

Н. В. Гоголь в статье «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность» (1847 год) писал: «У каждого свой стих и свой особенный звон. Этот металлический, бронзовый стих Державина, которого до сих пор не может еще позабыть наше ухо...». Через сто с лишним лет поэт В. Н. Корнилов создаст такие строки:

Колокола Державина,
Звонче вас, громче нет!
Бьёте неподражаемо
Вот уж две сотни лет.

Предисловие

Многие авторы обращались к мотиву «передачи лиры». Впервые он прозвучал в стихотворении А. Дельвига «На смерть Державина» (1816):

Кто ж ныне посмеет владеть его громкою лирой? Кто, Пушкин!
Кто пламенный, избранный Зевсом еще в колыбели, счастливец
В порыве прекрасной души ее свежим венком увенчает?
Молися каменам! и я за друга молю вас, камни!

А. С. Пушкин в стихотворении «К Жуковскому» (1816) описывает судьбоносную встречу на лицейском экзамене:

И славный старец наш, царей певец избранный, —
Крылатым Гением и Грацией венчанный,
В слезах обнял меня дрожащею рукой
И счастье мне предрек, незнаемое мной.

История этого дня продолжена в стихотворении Г. Шенгели «Державин» (1918), где поэт изображен с большой симпатией:

Бессильный бард, вернувшийся домой,
Забыл об отдыхе, о саде,
Присел к столу и взял, было, рукой, —
Но так и не раскрыл тетради.

Далеко не все замечательные стихотворения, посвященные Державину, вошли в этот сборник. Среди них «Державинская лира» (2004) А. Городницкого, которую завершают проникновенные строки:

Поэт свою единственную лиру
Передавать не может никому.

В. Г. Белинский в статье «Литературные мечтания» сказал о Державине: «Он <...> как орел добычу, схватывает вас внезапно и неожиданно, и на крыльях своих могучих строф мчит прямо к солнцу, и, не давая вам опомниться, носит по беспредельным равнинам неба; земля исчезает у вас из виду, сердце сжимается от какого-то приятного изумления, смешанного со страхом, и вы видите себя как бы ринутыми порывом урагана в неизмеримый океан; волна то увлекает вас в бездны, то выбрасывает к небу, и в душе вашей отрадно и привольно в этой безбрежности».

Результатом высокого вдохновения и восхищения Державиным стали стихи многих талантливых поэтов, включенные в этот сборник.

Н. П. Морозова

В. М. Жуков

К сочинителю оды к Киргиз-Кайсацкой
Царевне Фелице¹

Сонет

Хоть именем чужим себя ты называешь,
Но Россияне все должны тебя хвалить
За то, что их язык столь совершенно знаешь
И столь прекрасную мог оду сочинить.
Ты добродетель нам столь живо представляешь,
Что принуждаешь тем ее боготворить.
Пороки же ты столь искусно обнажаешь,
Что после одного возможно ль их любить?
Не лесь твоим языком управляет,
И так же не корысть твое перо ведет,
Фелицын² весь народ и сам то ощущает.
Он благодарность ей из сердца воздает,
На славные дела с почтением взирает
И в ней виновницу блаженства чтет.

1783

М. В. СУШКОВА

Письмо китайца к Татарскому Мурзе, живущему по делам своим в Петербурге

(фрагмент)

Когда подсолнечну Всевышний созидал,
Цепями твердых гор повсюду ограждал,
Деля сей шар земной глубокими реками,
Обширностью морей и знойным песками,
Казалось тогда, что смертный осужден
Влачить весь век в углу, в котором он рожден,
И ведать лишь о том, что вокруг его творилось,
Но в следствии времен все скоро пременилось.
Дар разума, сей луч всещедра божества,
Соделал смертных род Царями естества:
Познав себя, привел свой разум в совершенство,
Обрел он мирну жизнь и в жизни сей блаженство.
Тогда прочистились те мрачные леса,
Где солнце от очей скрывали деревья,
Где с человеками медведи обитали
И пищу нужную из рук их исторгали.
По сем художества, науки процвели,
В безвестны области отвсюду путь нашли.
Взаимной пользою народы съединились
И света целого гражданами явились.
Вотще делит их днесь пространство многих стран,
Вотще грозит пловцам свирепый Океан:
С конца земли в другом творимое мы знаем;
В Пекине, о Мурза, стихи твои читаем
И, истину любя, согласно говорим:
На троне Северном Конфуция мы зрим.

Уже лет с двадцать гласит повсюду слава
Величество души, премудрость, кротость нрава,
Благотворительны законы и дела,
Которыми себя толико вознесла,
Пример земных Владык, полночных стран Царица
И днесь тобой, Мурза, воспетая Фелица.
Монархам похвалы нередко лесть плетет,
Но если с их певцом согласен целый свет
И их дела твердит со чувством удивленья,
Достойны те Цари любви и почтенья.

1783

Письмо к творцу оды,
сочиненной в похвалу Фелицы¹

Певец! которому с улыбкой нежной муза
Недавно принесла с парнасских гор венок,
Желаю твоего я дружества, союза.
Москва жилище мне, ты невский пьешь поток,
 Но самые пути далеки
 И горы, холмы, лес и реки
Усердья моего к тебе не воспятят;
 Оно в Петрополь пренесется
 И в грудь твою и в слух влиется:
Нетрудно музам всё, что музы восхотят.

Скажи, пожалуй, как без лиры, без скрипицы
И, не седлав притом парнаска бегунца,
Воспел ты сладостно деяния Фелицы
И животворные лучи ее венца?
 Ты, видно, Пинда на вершине
 И в злачной чистых муз долине
Дорожки все насквозь и улицы прошел;
 И чтоб царевну столь прославить,
 Утешить, веселить, забавить,
Путь непротоптанный и новый ты обрел.

Обрел, и в бег по нем пускаешься удачно,
Ни пень, ни камень ног твоих не повредил,
Тебе являлось всё, как будто поле злачно,
Нигде кафтаном ты за терн не зацепил.

Царевне похвалы вещая,
Пашей затеи исчисляя,
Ты на гудке гудил и равно важно пел;
Презрев завистных совесть злую,
Пустился ты наудалую;
Парнас, отвагу зря, венец тебе соплел.

Кораллами власы украшенны имея,
Власы по раменам пущенны со главы,
Бело-румяну грудь с ланитами лелея,
Прелестных лики нимф возникли из Невы;
Поверх зыбей колеблясь нежно,
Тебе внимали все прилежно,
Хваля твоих стихов прекрасну новизну;
И, в знак своей усердной дани,
С восторгом всплескавши в длани,
Пускаются опять в кристальну глубину.

Чрез почту легкую и до Москвы достигла
Фелицы похвала к восторгу всех сердец;
Всех чтущих честь тебе воздать она подвигла,
Все знающие вкус сплели тебе венец.
Читали все ее стократно,
Но слушают охотно, внятно,
Коль кто еще при них начнет ее читать:
Не могут усладить столь духа,
Насытить так же пленна слуха,
Чтоб вновь забавным в ней игрушкам не внимать.

Так сад, кусточками и тенью древ прелестен,
Стоящий на горе над током чистых вод,
Хотя и будет нам совсем уже известен,
Хотя известен в нем по вкусу каждый плод,
Хотя дорожки все знакомы,
Но, тайным чувствием влекомы,

Еще охотно мы гулять в него спешим:
Повсюду взоры обращаем,
Увидеть новости желаем,
Хоть взором много раз все видели своим.

Наш слух почти оглох от громких лирных тонов,
И полно, кажется, за облаки летать,
Чтоб, равновесия не соблюдая законов,
Летя с высот, и рук и ног не изломать:
Хоть сколь ни будем мы стараться
В своем полете возвышаться,
Фелицины дела явятся выше нас.
Ей простота приятна в слоге,
Так лучше нам, по сей дороге
Идя со скромностью, к ней возносить свой глас.

В союзе с нимфами Парнаса обитая,
По звучной арфе я перстами пребежал,
Киргиз-кайсацкую царевну прославляя,
Хвалы холодные лишь только получал;
Стихи мои там каждый славил,
Мне льстил, себя чрез то забавил;
Теперь в забвении лежать имеют честь.
Признаться, видно, что из моды
Уж вывелись парящи оды
Ты простотой умел себя средь нас вознестъ.

Как прежде, ты пиши еще письмо к соседу²;
Ты лакомство его умел представить нам,
Как приглашает он чернь жадную к обеду,
К забавам, к роскоши, разлитой по столам;
Или, любя красы природы,
Воспой кристальные нам воды,
Как некогда воспел ты Гребеневский ключ³.
Сей ключ, текущий по долине,

Еще любезен мне доньне;
Я жажду утолял... отрад блистал мне луч.

А ты, что согласишь премудрых в славном лике,
Предстательница муз, трудов их судия⁴,
Гремящей внемлюща сладчайшей их музыке,
Тебе достоин честь и похвала сия,
 Что, ревностью ты пылая
 И все пути изобретая,
Стараясь вознесть природный наш язык⁵.
 Он важен, сладок и обилен,
 Гремящ, высок, текущ и силен,
И в совершении его твой труд велик.

Тобой приглашены, в прехвальный путь вступили
Любители наук со ревностью в сердцах;
И в «Собеседнике» успехи нам явили⁶:
Мы зрим российский слог прекрасен в их трудах.
 Скажу, скажу не обинуюсь:
 Минерве ты сообразуясь,
Свое спокойствие на жертву муз несешь,
 Отечества драгого слава —
 Твоя утеха и забава,
В завидном для мужей ты подвиге течешь.

Фелицы именем любезным, драгоценным,
Фелицы похвалой и славой мудрых дел
Начаток сих трудов явился украшенным
И в радость, и в восторг читателей привел⁷.
 Благословенно то начало,
 Ее где имя воссияло,
И увенчается успехами конец;
 Тому, кто так Фелицу славил
 И новый вкус стихам восставил,
И честь, и похвала от искренних сердец.

Доброму человеку

Блажен, кто средь честей блестящих
Не принимает их цепей;
Кто в Царском тереме богатом,
Не изменяя в лице,
Идет по золотым помостам
Затем лишь, чтоб творить добро!
Того не злато награждает:
Он в сердце ощущает рай!

Подобен он ручью в долине,
Который чист самим собой, —
От псов ушед олень усталый,
В нем прохлаждает кровь свою,
И солнце в нем как огонь сияет.

Таков и ты, о добрый муж!
Прияв в себя и стон вдовицы,
И слезы молодых сирот,
Ты сам несешь их ко престолу,
От коего склоня стезю,
Златую к ним ты льешь струю.
Когда же должности исполня,
В своем тулупе голубом
Ты сядешь на диван зеленый,
И дух твой благом восхищенный
Пленяешь гласом лирных струн:

Склоняешь ты с небес перун!
А иногда ты сладко дремлешь
В кругу приятелей твоих,
Как в тихий вечер дуб зеленый,
В водах любяся голубых!..

Но путь твой трудный пролегает
Между стремнин, где тьма зияет.
Пасть может добрый человек! —
Будь тверд и не смущай твой век!
Ты можешь пасть во мненьях светских;
Но счастье твое в тебе,
Как в теле жизнь, в огне блистанье.

Когда проглянет царь миров,
На вечер в снеги облеченный,
Румянец вспыхнет и в зиме;
Снежинка каждая блистает
Тогда как бы в ночи звезда! —

Когда ж тебя поля и селы
В гостях увидят у себя,
На посохе тогда покоясь,
При водопаде¹ в летний день,
Как солнца луч при всякой капле,
Ты в каждом миге дней твоих
Увидишь память дел благих,
И смерть с улыбкою ты встретишь! —
На крыльях огненных твой дух,
Слезам дружбы отягченный,
Подыметя в свой прежний край;
А память дней твоих полезных,
Носясь по весям, во градах,
И в гробе осветит твой прах.

<1792>

И. И. ДМИТРИЕВ

К портрету Г. Р. Державина

Державин в сих чертах блистает;
Потребно ли здесь больше слов
Для тех, которых восхищает
Честь, правда и язык богов?

<1793>

Н. С. Смирнов

К мурзе

Писано в проезд мой
через Усть-Каменогорскую крепость,
по просьбе киргизца, против крепости
за Иртышом тогда кочевавшего.

Мурза! тебе, я чаю,
Наскучили уж мы,
Киргизские умы?
Я это примечаю:
С тех самых точно пор,
Как ты Фелицын двор
И всех, кто с головою,
Пером своим пленил,
Восхитил, удивил,
Всяк хочет быть Мурзою
Иль батырем у нас
В степи киргизской дикой.
Охоте быть великой
Там надобно у вас,
Далёко за горами,
Чтоб в нашу степь хотеть
Учиться песни петь
И так дружиться с нами;
А всё причиной ты!..
Ну, где с тобой сравниться?

Я слышал: этим льститься —
Пустые суеты;
Не всем Мурзой родиться,
Не всем, как он, греметь;

И нашу лъзя ль царицу,
Бессмертную Фелицу,
Бессмертно так воспеть?
А я не строю лиры;
Достойно ей владеть
В себе не вижу силы.
Мурзу не смею петь,
Не смею петь Фелицу...
Как сметь мне из-за гор
Нахальный, дерзкий взор
На нашу взвесь царицу?
В том слава вся моя,
Что мысленно ея
Могу лобзать десницу.

Но жив в степи пустой,
Себя я утешаю
И время коротаю
Простою забызгой¹;
Она свое изделие!
Пою любовь, веселье,
Свободу и покой,
Которы мы вкушаем
С тех пор, как ощущаем
Скиптр мирный над собой.
Или верхом гуляю,
По степи разъезжаю,
По речкам, по горам,
В стадах, по табунам,
И ими утешаюсь.
Иль в юрте я сижу,
Кумызом² забавляюсь
И время провожу
За чашкой с бишбармаком³.
Иль с трубкой табаку,

До неги бывши лаком,
Валяюсь на боку,
Султаном быть мечтаю.
Иль роскоши вкушая
В объятьях милых жен,
Дождусь, как сладкий сон,
Сомкнув уставши взоры,
Перенесет за горы
В бессмертной славы храм,
К Фелицыным ногам.

Чего ж желать мне боле
В такой счастливой доле?
Не смею ничего,
Как только лишь того,
Чтоб сон тот мог свершиться,
Чтоб зреть Фелицын трон...
Но нет!.. страшусь забыться!..
Так пусть же этот сон,
Когда не может сбыться,
Бесперестанно снится
И сладкой сей мечтой
Прельщает разум мой,
Который в нем встречает
Несчетны чудеса
И в оных утопает,
Меня перенося
К пророку в небеса!

<1795>

В. В. Капнист

Певцу Фелицы

Доколе музами любим,
Тревоги все, заботы, горе
За ветрами пушу я в море,
«Счастливым путь!» — примолвя им.
Пусть галл Эвропой потрясает¹,
Британец всех на море бьет²,
От рая Пий ключи теряет³, —
Да мне до них и нужды нет.
Честей я не служу кумиру,
Ползком я злата не ищу;
Доволен малым, — жизнь и лиру
Любви и дружбе посвящу.
О муза, друг холмов тенистых,
Любящая Кастальский ток⁴!
Певцу Фелицы свей венок
Из лавров, из цветов душистых.
Я слаб ему хвалу греметь, —
Тебе, сестрам твоим пристойно
Возвысить звонку лиру стройно
И Фебова любимца петь.

<1797>

В. А. ОЗЕРОВ

Ода Гавриилу Романовичу Державину на получение им ордена св. Анны первого класса в 1798 году

Сей дух, которым ты, Державин,
Паришь за груды облаков
И Пиндару в восторге равен,
Спокойно внемля треск громов,
Рукою твердою и смелой
Небесный свод колебля целый,
Срываешь солнца с древних мест,
Безвестные миры расстроая,
Чтобы для русского героя
Венец слить из светлых звезд,

Сей дух, которым ты геройство
Пожарского ценить возмог,
Тебе дарует славно свойство
Стирать неправды гордый рог.
Седяй меж судией высоких,
Где в думах тайных и глубоких
Решатся участи людей,
На лица не взирая сильных,
И в чувствах пылких и обильных
Гремишь ты истиной своей.

Тебя ль вельможей горделивых
Власть временная утрашит?
Для их страстей несправедливых
Опустишь ли ты правды щит?

Ах, нет, ты ведаешь, что Этны,
Далеко ужасом приметны
И устрашающи моря,
Падут с вершиною отважной
Во глубину пучины влажной:
Их огонь погаснет, как заря.

Подобно как древа ветвисты,
И сами царствия падут:
Атланта рамена кремнисты
Не вечно небо подопрут;
Горящи солнца вдруг сорвутся,
Клубясь, в бездну понесутся,
Вселенную покроет мгла, —
Но только в высоте эфира,
По разрушеньи общем мира,
Пребудет истина светла.

Монархом щедрым, справедливым
Вознагражден дух ныне твой.
Восторгом обновись счастливым,
Дави неправду ты пятой,
Чтоб, разные принявши виды,
Не смела в храм вступить Фемиды
И мудрых омрачать совет.
Но в дни свободны и спокойны
Бряцай на лире звуки стройны,
Которыми пленяешь свет!

<1798>

Н. А. Львов

Державину

О друг отечества и мой,
Друг истины святой,
Глагол полуночных колоссов
Еще тебе, еще венец
Доблественных, надежных россов,
Внушенный силою певец!
Что древни барды и друиды,
Где вашей томной лиры честь?
У нас пером орла Алкиды
Монархам говорят не лезть,
Но, духом грома воспалая
И словом молнии вращая,
Предвечной истины закон
Любви отечества стрелою,
На сердце огненной чертою
Изобразив, несут пред трон,
Блаженством общим упоенну,
Народным мужеством внушенну
Раскаянья, ни страху нет;
Слова его суть правды стрелы,
А щит — отечества пределы,
Убежище его — весь свет;
Где только солнца луч блистает,
Везде сын истины витает,
Везде с ним счастье живет.
Но кто, кто витязь сей венчанный?
Кто дела смелого творец,
Кто сей России сын избранный,
Стяжавший вечности венец?

Единым вздохом оскорбленных
Кто гром небесный воспалил
И каплей слез сердец смиренных
Удар на милость обратил;
Кто благодарных душ слезою,
Как розу, горнею росой
Порфиру царску окропил?
Любимого царя покою
Поставил твердою стеною
Сердец незыблемый оплот;
Любовь народную священну
На стражу верную бессменну

У царских утвердил ворот?
Кто словом душу возвышает,
Пленяет ум и слух прельщает,
Тому пролег и звездный путь...
Он душу Пиндара вмещает
В российскую алмазную грудь.

<1800–1802>

А. М. БАКУНИН

Г. Р. Державину

Скучно, хладной ветер веет,
Моросит ненастной дождь,
Солнце низкое бледнеет,
Иль и ты, небесной вождь,
Око светлое природы,
Помрачилось тоской?
Смертной хлад на быстры воды
Гробовою лег доской.
Уронив завесы брачны,
Лес печален стал и дик,
Сосны лишь чернеют мрачны,
Слышен птиц зловеший клик,
В зеркалах живых природы
Взор стесняется тоской,
Грудь земли оледенелу
Снег студеной схоронил,
Ночь приемлет область целу,
День светильник уронил...
Призрак вся мирская слава
И поваленной лишь тлен —
Токмо сердце мужа права
Неизменно средь премен.
Он охотнее трудится,
Когда солнышко тепло,
Но и стужи не боится,
На душе его светло.
Мудрой муж, весну встречая,
Не щадит своих трудов,
И, плодов осенних чая,

Зиму встретить сам готов,
Свист змеиной презирает,
Злоязычем невредим
Он бессмертье предвкушает,
Силой Вышнего держим¹.

<1803>

Д. И. Хвостов

Гавриле Романовичу Державину¹

Министр, герой, певец! блажен, кто духом силен;
Планетам таковым заката в мире нет;
Кто дарованием и чувствами обилен,
Без опасения, как вождь светил, течет,
Сияньем землю озаряет, —
Огонь святой не угасает.

Орел, которому земли в пределах тесно,
Являет крепость сил и мужество чудесно;
Среди юдольных стран он селянин небес;
Открыл повсюду путь наперснику Зевес,
Взвился, и высочайши горы
И солнца дом объяли взоры.

Певец! ты лепоту и стройность видел мира²,
Движение планет в обители эфира,
Где звезды странствуют, бросая свет в ночи,
Где преломленные в дол сыплются лучи;
Ты видел, как орлы парили
И солнце крыльями закрыли.

Приемля дар и кисть, не скрой злодейств картины.
Под игом уз земной нередко страждет шар³,
Кровь смертного пьют поля, морей пучины,
Наносит властелин бессильному удар.
Глагол небес — молчат законы,
Нередко слышен вопль и стоны.

Священной истины живописуй уставы,
Род смертных покажи среди счастливых дней,
Представь сияние неложной в мире славы,
Любовью дышащих изобрази царей.

Певец! ты был внутри чертога⁴,
Ты видел ангела и бога.

Воспламененных лир паря далече струны,
Гремят сквозь цепь веков, как грозные перуны.
Да будет песнь твоя священной правды храм,
Твои стихи — закон народам и царям;
Изобрази красы прелестны,
Представь Петра труды чудесны.

Неутомимого представь орла в полете,
На суше и водах, вверху кремнистых гор,
Который, плавая лучей в горящем свете,
На беспредельный круг бросает быстрый взор,
Оттоле жертвы похищает,
Птенцов лелеет и питает.

1804

А. Ф. Воейков

Сатира к С<перанскому>
об истинном благородстве

(фрагмент)

Поэтов красота, вельможей образец,
Державин — славных битв, любви, богов певец:
н движет в нас сердца, златые движа струны;
Он нежен, как любовь, и звучен, как перуны.

1806

А. А. Палицын

Послание к Привете, или Воспоминание
о некоторых русских писателях моего времени

(фрагмент)

Гораций есть у нас, есть свой Анакреон:
Державин дал их лир почувствовать нам звон.
Еще он услаждает
Нас лирою своей,
Певцов одушевляет
Среди и поздних дней;
Как громкий соловей
Вечернею зарей,
Петь прочих возбуждает.
В тот час, как я пишу, зефиров на крылах
Промчался глас его и на псельских берегах¹.

1807

А. П. БУНИНА

Сумерки

Гавриилу Романовичу Державину,
в его деревню Званку

Блеснул на западе румяный царь природы,
Скатился в океан, и загорелись воды.
Почий от подвигов! усни, сокрывшись в понт!
Усни и не мешай мечтам ко мне спуститься,
Пусть юная Аврора веселится,
Рисуя перстом горизонт,
И к утру свежие готовит розы;
Пусть ночь, сей добрый чародей,
Рассыпав мак, отрет несчастных слезы,
Тогда отдамся я мечте своей.
Облекши истину призраком ложным,
На рок вериги наложу;
Со счастьем союз свяжу,
Блаженством упиясь возможным.
Иль вырвавшись из стен пустынных,
В беседы преселюсь великих, мудрых, сильных.
Усни, царь дня! тот путь, который описал,
Велик и многотруден.

Откуда яркий луч с высот ко мне сверкнул,
Как молния, по облакам скользнул?
Померк земной огонь... о! сколь он слаб и скуден!
Средь сумраков блестит,
При свете угасает!
Чьих лир согласный звук во слух мой ударяет?

Бессмертных ли харит
Отверзлись мне селенья?
Сколь дивные явленья!
Там ночь в окрестностях, а здесь восток
Лучом весення утра
Златит Кастальский ток¹.
Вдали, из перламутра,
Сквозь пальмовы древа я вижу храм,
А там, среди миртовых кустов, склоненных над водою,
Почтенный муж с открытой головою
На мягких лилиях сидит,
В очах его небесный огонь горит;
Чело, как утро ясно,
С устами и с душой согласно,
На коем возложен из лавр венец;
У ног стоит золотая лира;
Коснулся и воспел причину мира²;
Воспел, и заблистал в творениях Творец.

Как свет во все концы вселенной проникает,
В пещерах мраки разгоняет,
Так глас его, во всех промчавшихся местах,
Мгновенно облетел пространно царство!
Согнулось злобное коварство³,
Молчит неверие безбожника в устах⁴,
И суемудрие не зрит опоры;
Предстала истина невежеству пред взоры:
Велик, — гласит она, — велик в твореньях бог!

Умолк певец... души его восторг
Прервал согласно песнопенье;
Но в сердце у меня осталось впечатленье,
Которого ничто изгладить не могло.
Как образ, проходя сквозь чистое стекло,
Единой на пути черты не потеряет, —

Так верно истина себя являет,
Исшед устами мудреца:
Всегда равно ясна, всегда умильна,
Всегда доводами обильна,
Всегда равно влечет сердца.
Певец отер слезу, коснулся вновь перстами,
Ударил в струны, загремел
И сладкозвучными словами
Земных богов воспел!
Он пел великую из смертных на престоле⁵,
Ее победы в бранном поле,
Союз с премудростью, любовь к благим делам,
Награду ревностным трудам,
И, лиру окропя слезою благодарной,
Во мзду щедроте излиянной,
Вдруг вновь умолк, восторгом упоен,
Но глас его в цепи времен
Бессмертную делами
Блюдет бессмертными стихами.
Спустились грации, переменили строй,
Смягчился гром под гибкою рукой,
И сельские послышались напевы⁶,
На звуки их стеклися девы.
Как легкий ветерок,
Порхая чрез поля с цветочка на цветок,
Кружится, резвится, до облак извиваясь, —
Так девы юные, сомкнувшись в хоровод,
Порхали по холмам у тока чистых вод,
Стопами легкими едва земле касаясь,
То в горы скачучи, то с гор.
Певец веселый бросил взор.
(И мудрым нравится невинная забава).

Стройна, приятна, величава,
В одежде тонкой изо льна,

Без перл, без пурпура, без злата,
Красою собственной богата
Явилася жена;
В очах певца под пальмой стала,
Умильный взгляд к нему кидала,
Вия из мирт венки.
Звук лиры под рукой вдруг начал изменяться,
То медлить, то сливаться;
Певец стал тише петь и наконец умолк.
Пришлица простерла руки,
И миртовый венок за сельских песней звуки
Едва свила,
Ему с улыбкой подала;
Все девы в тот же миг во длани заплескали.

«Где я?..» —
От изумления к восторгу преходя,
Спросила я у тех, которы тут стояли.
«На Званке ты!» — ответы раздались.
Постой, мечта! продлись!..
Хоть час один!.. но ах! сокрылося виденье⁷,
Оставя в скуку мне одно уединенье.

<1808>

Н. В. СЕМИВСКИЙ

Воззвание к Бессмертному и Неподражаемому Певцу нашего времени

Бессмертный наш *Певец* и Бога и Фелицы
Я некогда был Твой, с Тобою говорил¹,
Чем зависть приобрел; — и я, я не забыл,
Ты сделать мне добро хотел, но вдруг открылось
Явленье новое. — Как Солнце закатилось,
Другое же возшло, Тебя не взвидел я²;
И с тех пор Лира мне лишь слышится Твоя.
О! если б в старости почтенной и маститой,
Соделать мог еще ты подвиг знаменитой;
И воскрылясь Орлом, в Священном быв жару,
Возмог перелететь с Невы на Ангару,
Какое б зрелище открылось пред Тобою,
Достойно пето быть Твоею лишь трубою!
Как в древности Орфей, творивший чудеса,
Заставивший скакать и горы, и леса,
Так ты бы, озарен и Музами, и Фебом,
Воспел Природу там под чистым, ясным Небом.
Воссевши в *Разводной*³, в прохладе ветерков,
Под тенью кедров, пихт, при шуме ручейков,
На бархатном ковре, усеянном цветами,
Между различными Природы красотами,
Смотря на *Ангару*, на длинны цепи гор,
Простерши за *Байкал* свой быстроумный взор,
Где рыси по гольцам, стрелой летая, рыщут
И в снесь себе *зверей*, которы *слабы*, ищут,
Где *соболя* рвет *бобр*, терзает белку волк,

Все ужасы там зря, Ты — Ты бы не умолк.
Как вдохновенный Бард звучащею трубою,
Ты б возгремел, — и все *упало б* пред Тобою.
От гласа Твоего и горы б затряслись,
И звери лютые далеко б понеслись.
Бессмертной песню к приятности, к свободе,
Восстановя любовь, согласие в Природе,
Ты был бы там от всех, как *Оссиан*, почтен.
<ок. 1808>

А. А. Палицын

Гавриилу Романовичу Державину

Как! к Мевию, тебе безвестному, во мрак
Пустынного уединенья,
Твои бессмертны песнопенья,
Ты шлешь, увенчанный наш Флакк!..
Чем мог я заслужить внимания сей знак?..
Какие принесу благодаренья?..
Они нам слабым трудны так,
Как сильным вам легки благотворенья;
Я силу чту души великой, не призрак:
Мне памятны твои, в *Вельможе*, наставленья¹.
О, как завиден в этот час,
Мне сладкой песнопевца глас!
Не для того, чтобы хвалами
Твою я скромность утомлял,
Как то ведется меж писцами.
Фелицын Бард, рожденный для похвал,
В ком дар Горация и дар Анакреона
Ко славе Русского воскресли Геликона,
Кто лирой век певцов, век мудрых услаждал,
Не всеми ль мудрыми прославится веками?

Пленятся ль взор и ум вселенная красами
И добрым щедрого Отца их возвестят?
Перуны ль возгремят под небесами
И злым в Нем мстителя и судию явят?
Блеснет ли царь светил на высотах лазурных,
В весенней ясности, в осенних тучах бурных?
На *Щастие* ли кинут взгляд?²
Пииты ль воспоют Отечества героев,

И в мире и в полях кровавых среди боев?
К *Развалинам* ли взор унылым обратят?³
 Воспенится ль и восшумит водами,
 Между гранитными скалами,
С крутых утесов их алмазный *Водопад*?⁴
Оплачут ли чью смерть бессмертными стихами?
Красы ли Русския их *Пляскою* прельстят?⁵
 Раздастся ли между лесами,
 Вечерней, утренней зарёй,
 В ночи, под ясною луной,
 Свист громкой *Соловья* весной?⁶
С друзьями ль мудрого увеселит беседа?
 В награду ли достоинств изваяя
 Чей будет *Истукан*?⁷
Пирь ли удивят роскошного *Соседа*?..⁸
 При видах, иль при памятниках сих,
 Витийственных даров твоих,
Всегда тебя, всегда потомки вспомнят;
И даже самые завистливы певцы
Сплетут Державину и гимны, и венцы!
Не смолкнут песни те, ввек лавры не увянут,
Ни плески в честь тебе греметь не перестанут!

И так, не похвалы ненужные сплетать,
Я даром творческим желал бы обладать:
Твое внимание мне лестно, драгоценно,
Внимание певца Фелицына священо,
Приятно было бы мне в сердце оправдать,
 Каким-нибудь трудом, тебя достойным,
 Парнасским жителям пристойным!..
 Когда б лет пылких прежний жар,
В замену трудного парнасского искусства,
 Еще одушевлял мой слабый дар;
Ласкался б я, хотя излить живее чувства

И благодарности тот сладостный восторг,
Который щедростью из сердца ты исторг!

Но что могу принести я ныне,
В бессильной старости, в пустыне?
Чем дар и жар мне заменить,
Чем благодарность изъяснить?
Ужель в невольном сем движении,
Безгласным вовсе легче быть?

От благодарности ль быв в нежном восхищенье,
Неблагодарного дерзну я вид носить?

Колеблются ль тогда в недоуменье?

Стерплю ли я, хотя того не повторить,
Что в нашей простоте, на Юге, в отдаленье,
О Барде Северном в пустынях говорят?
Как сладко здесь о нем нам, Мевиям, то мненье,
Что он дарами Флакк, добротой Меценат!
Что в лаврах и звездах и в звании великом,
Как славой, мыслями и словом ни богат,
С изящным и умом, и вкусом, и языком,

И на чреде высокой, в мудрый век,
В Совете Царском и во Званке

Он равен и в одной осанке:

Всегда друг муз, людей, Вельможа-человек!
Сколь гордый от него в том Римлянин далек!

Тот Мевиев своих и Бавиев тазаёт:

Наш тою ж лирою гремющей обладает,
Глаголом выпреним, согласиём богов:

Однако наших он разлаженных гудков,
Нескладных песен и стихов,

Скропанья, иногда и из обломков слов,
Затычек, вставок и скачков,
Отнюдь не презирает;

Хотя от них подчас, конечно, и зевает:

И малых он щадит даров,
И скудные таланты ободрят!..

Сия известная доброта свойств твоих
Осмелила меня принести и этот стих,
 Конечно, слабый и ничтожный;
По щедрости твоей души и чувств моих,
 Истолкователь он неложный.
 Почто в моей судьбе,
Для приношения достойного тебе,
 Иной нет жертвы, мне возможной?
Почто не Волховски струи я ныне пью,
Которые меня поили в нежном детстве?
 Почто не в Званке я пою⁹,
В старинном дедовском жилище и наследстве?
Как сладко бы провел я старость там свою,
И с мудрым и с певцом, с Державиным в соседстве.
Вблизи бы лирный глас его меня пленял;
Изустно б я ему все чувства изливал;
И быв согласием его наставлен звона,
Достиг бы, может быть, и я до Геликона!
И Руской мой Делиль и Сент-Ламбер тогда¹⁰
Могли бы, кажется, в свет выйти без стыда;
И поздние мои Донскова петь затеи
Тогда бы приняли вид некий Эпопеи.
Беседа с мудрыми всех больше учит книг,
И возвышает ум и сердце и язык. —
Не только кровы их, но гробы нам священны;
Малейшие от них остатки драгоценны!
Они-то честь, краса и слава Естества,
Наставники людей, суть образ Божества!..
Летите тщетные из мыслей вон мечтанья,
Восторга моего плоды, воспоминанья
О детстве, и всегда мне милой старине:
Не жить мечтателю в геройской той стране,
Где древле пел Баян, где ныне песни громки
Державин предаёт счастливее в потомки.

Под бременем лет и нужд, сих тягостных оков,
В уединении влачащу дни унылы,
И стражу дружеской и собственной могилы¹¹,
Не видеть, Волхов, мне уже твоих берегов,
Не слышать мне из уст Державина стихов!..
Прошли те времена, когда под сельски кущи,
К богатым мудростью стекались неимущи;
 Когда Орфеев голоса
 Творили чудеса!

Гордися тем, река, в России знаменита,
Что ты Державина внимаешь лирной звон!
Приветствуй шумом вод, красой берегов пинта,
Что славу древнюю твою умножил он:
Что на берегах твоих воздвигнул Геликон;
 И старость самая его мастита,
Нам струн Софокловых издаст печальный стон!

1809

В-в

Но я ль безвестной лирой смею
Хвалить бессмертного? Кого я петь хочу?
Державина? Нет, нет, дивлюсь, благоговею,
И лиру слабую бросаю и молчу

1809

А. Ф. ВОЕЙКОВ

К Н. В. С.

(фрагмент)

Пусть Державин!.. предоставим
Мы Орлу сему парящу
Петь победы, славу Россов;
Кистью смелую чудесно...
Представлять вождя героев,
Так, как древнего Атрида,
Или так, как Годофреда,
Представлять кипящу сечу,
Звон броней и коней ржанье;
Предоставим мы великим
Петь о подвигах великих!

1811

Е. И. ЛАНСКАЯ

В лучезарной колеснице
Феб спустился с облаков!
Он несет певцу Фелицы
Не один, а тьму венцов:
Каждое его творенье
Увенчал Парнаса бог,
Векам поздним в удивленье
И бессмертия в залог!
Наших дней Анакреона
Слабой лирой не воспеть;
Сам властитель Геликона
Дар лишь может сей иметь...

1811

К. Н. БАТЮШКОВ

Мои Пенаты

Послание к Ж<уковскому> и В<яземскому>

(фрагмент)

Пускай веселы тени
Любимых мне певцов,
Оставя тайны сени
Стигийских берегов
Иль области эфирны,
Воздушною толпой
Слетят на голос лирный
Беседовать со мной!..
И мертвые с живыми
Вступили в хор един!..
Что вижу? ты пред ними,
Парнасский исполин,
Певец героев, славы,
Вслед вихрям и громам,
Наш лебедь величавый,
Плывешь по небесам.
В толпе и муз, и граций,
То с лирой, то с трубой,
Наш Пиндар, наш Гораций¹
Сливает голос свой.
Он громок, быстр и силен,
Как Суна средь степей²,
И нежен, тих, умилен,
Как вешний соловей.

<1811–1812>

Т. БЕЛЯЕВ

Песнь курайча Рифейских гор

(фрагмент)

Я к вам, тимпанницы¹, взываю,
Вдохните ваш мне громкий лик!
Скажите: кто вас, дев священных,
Из пепла фениксов рожденных,
Умел вовремя возродить?
«Певец прославленной царицы,
Что вас под именем Фелицы
Заставил добродетель чтить».
«Да будет он благословенный
Отныне век, и в род и род!
Он древний наш Мурза почтенный! —
Воскликнул в радости народ. —

Да с нами духом водворится,
И тем вовек не разлучится
Сердец, приверженных к нему.
О нем беседы не престанут,
Благими дела воспомянут,
Курайчи воспоют ему».

<...>

Полночный Пиндар, вознесися
Превыше западных певцов!
Как орля юность обновися,
Хвала осьми наших родов!
Ты славно пел дела Фелицы,
Давидски днесь отроковицы

Т. Беляев

Трубят о славе наших дней.
Прости степной моей свирели, —
Того соотчичи хотели,
Чтоб я тебе пропел на ней.

<1812>

А. НЕСТЕРОВ

Певцу Фелицы

После первого моего с ним свидания
в Москве июня 25 1813 года

Сбылось сердечное желанье,
Которым я всегда пылал!
Сбылось прелестно ожиданье,
Которым душу я питал! —
О день приятный, несравненный!
О час священный, незабвенный!
Превознесен до самых звезд,
Касался тех блаженных мест,
Где храм воздвигнут Аполлона, —
На высотах был Геликона!..
Я зрел — как сей блестящий бог,
Всех Муз собором окруженный,
Воссел на трон свой возвышенный;
Науки сладкие у ног
Его в бездействии лежали,
И мановенья ожидали, —
Чтобы восхитить горний мир...
И вдруг согласие громких лир
Мой слабый разум изумило,
Восторгом сердце напоило;
И в сладку негу вся страна
Тогда была погружена. —
Я зрел, как бог сей улыбался, —
И все веселием цвело;
Куда он взором обращался, —
Туда и всех сердца влекло.

Вещал — и до небесна свода
Неслися клики в честь ему;
Казалось, что вся природа
Внимала богу лишь сему!
Он лиру брал, и чуть касался до струн —
Волшебный, дивный глас,
Наполнив радостью Парнас,
В странах далеких раздавался.
Моря и реки, и ручьи,
Неся веселые струи,
Приятно, сладостно журчали;
Пустыни дикие, что век
В унылой тишине молчали,
Где вечно не был человек, —
От сей гармонии чудесной
Имели новый вид, прелестной;
И словом, небо и земля,
Казалось, торжествовали —
Хвалу Владыке воспевали!..
Ах! Умолчу ль теперь и я?..
Но, смертный! мыслию пустою
Не обольщаешь ли себя? —
Как истина сходна с мечтою!
Я был, *Державин!* у тебя.

1813

Б. М. ФЕДОРОВ

К музам

(фрагмент)

Я видел Державина!
Верь мне потомство славян благородно!
Я видел любимца небес и царей,
Он к вечеру жизни склонялся,
Но гений, как луч, в нем горит...

<1815>

Н. Г. ГОРОДЧАНИНОВ

Надпись к портрету
Гавриила Романовича Державина

На лире Пиндара, Горация гремел,
И в нежную играл свирель Анакреона,
Позднейшим в слух векам Фелицу, Бога пел
Краса Российского Державин Геликона

1815

О. Сомов

Державину

Сонет

Или несется глас Амфиона?
Или героев древних певец¹,
Вновь прославляя подвиг Хирона,
Новый Ахиллу дарит венец?
Арфа ли нежна Анакреона
Льет нам усладу в недра сердец?
Иль ты, Державин, друг Аполлона,
Сладостных — звучных песней творец?
Грянешь победу в громкие струны, —
Громы катятся, реют перуны,
Слышу вопль брани, топот коней...
Но перестроишь легкую лиру, —
Тихо и сладко нежишь Плениру
И воспеваешь счастье людей!
<1816, первая половина>

В. Н. Олин

Элегия на смерть Державина

Мрачно все на лугах Геликона двуххолмна;
Злачные ветви свои опустили лавровые рощи.
Скорбь оковала смычок и струны Дельфийского бога:
Он в кипарисном венке, склоненный на лиру златую,
Слезы горячие льет, и бессмертные Музы,
Пышны венки разорвав и развив благовонные косы,
Грустны, обнявшись, сидят на берегу Пермеского тока.

Нет уже боле певца, *Державина* нет уже боле!
Нет уже боле певца, который волшебною лирой
Славить достойно умел и людей, и бессмертных.
Кроткий, по сердцу был истинный друг человеков.
Царственной правил кормой, и в Поэзии, небесном искусстве,
Равных себе не имел и сам себе был подобен.
Нет уже боле певца, который, играя на лире,
Правду Царям говорил и за правду Царей не боялся.
Лейтесь! о лейтесь! горькие слезы:
Нет уже боле певца, *Державина* нет уже боле!

В злачной долине цветок расцветал благовонный:
Вдруг его ветер со стебля сорвал и листья развеял;
Нет уже боле цветка, но память осталась:
Кто же забудет цветок по его аромату? —
Кто же забудет певца? Играет лира в потомстве.
Чья благородная тень, подобная легким туманам,
С лирой в руках и в венке из зеленого лавра,
С ярким огнем на главе, вся радужным светом объята,
Быстро эфиром летит при лунном сиянии
В светлы чертоги Олимпа и с ризы прозрачной
Сыплет на землю серебряны искры?

Боги приемлют ее и венчают бессмертною славой.
Други! то Русский певец, сладковещий *Державин*:
Мир тебе! мир тебе, муж знаменитый!
Прах твой во гробе — а дух... а дух твой в лоне бессмертья! —
Но и гробница твоя священна для граждан!
Придет унылый Поэт к местам, где ты почиваешь,
И обопрется едва он лирой о камень могильный —
Вспыхнет огонь на струнах, и струны невольно взыграют.

Ныне ты зришь под собой, сопричастный вселенной тайнам,
Звезды, планеты и солнцы горящи,
Стройно свершаючи путь к пространству безбрежна эфира; —
Ныне высок ты для зависти нашей.
Время, которое все истребляет,
Громкую славу твою, о новый житель Олимпа,
В роды и роды возвысит славнее!

Прежде покатит Эвксин черноводный
Бурные волны свои в Танаисе,
Вечные льды претворятся во пламень,
Солнце во свете лучей оскудеет,
Запад в пути на восток переменит;
Сферы небесной огненна буря
В страшном теченьи с собою похитит,
Землю развеет — чем имя твое истребится в потомстве.
Мир тебе! мир тебе, муж знаменитый!

А. Е. ИЗМАЙЛОВ

Эпитафия Г. Р. Державину

Из лавров и из роз положьте здесь венец:
Под камнем сим сокрыт любимец Муз и Граций,
Фелицы славныя певец,
Державин, Пиндар наш, Анакреон, Гораций.

1816

П. И. ШАЛИКОВ

Эпитафия
Гавриилу Романовичу Державину

Здесь прах Державина!... нужна ли похвала
При имени великом?
Нужна ль она тому, чьи славились дела,
Кто обладал богов языком?

1816

Н. Г. ГОРОДЧАНИНОВ

Парнасский цветок
на могилу
Гавриила Романовича Державина

Наш Ломоносов, Флакк, Пиндар, Анакреон,
Державина увидевши в полях блаженных
И зная, что певец Фелицы, Бога он,
Что всех их совместил в стихах своих бессмертных,
Из лавров на чело сплели ему венец.
Державин всех веков, народов всех певец!

1816

АННА ВОЛКОВА

Надгробный цветок знаменитому северному Барду, Гавриилу Романовичу Державину

Уже парнасское светило
По горизонту наших дней
Свое течение свершило,
И яркий блеск своих лучей
В безмерну вечность погружая,
Из мрака будет нам светить.
Державин, в гробе пребывая,
В своих твореньях будет жить.
Уж нет тебя, Муж знаменитый!
Увы! — бессмертный смерть вкусил;
Лучами славы дух покрытый
В пределы горни воспарил.
От нас твой прах земля скрывает,
К нетленной жизни ты созрел,
Душевный взор твой созерцает
Того, чью славу ты воспел,
Кем в жизни дух твой восхищался,
Кем держится небесный свод,
И кто в тебе изображался,
Как солнце в малой капле вод.
Сердца и разумы пленяя,
Злой смерти не страшась оков,
Кругом вселенну обтекая,
Твой стих пройдет сквозь тьму веков:
Он памятник тебе поставит
На все грядущи времена;

Уму небесному дивиться
Заствит смертных племена;
Печали мраком облаченный,
Муз Невских плачущих собор,
Жестокой вестию сраженный,
Унылых лир составя хор,
Пиита память прославляют,
Сердечных чувствий дань несут,
Слезами струны орошают
И гимны в честь ему поют.
О, ты! чьей лиры звук чудесной
Царей бессмертными творил;
Героям похвалой нелестной
Венцы нетленные дарил,
Прими слезами окропленный
Сей скудный от меня венок!
На гроб твой, Россам столь священный,
Дерзнула возложить цветок.

1816

В. В. Капнист

На кончину
Гавриила Романовича Державина

Державин умер!.. слух идет,
И все молве сей доверяют.
Но здесь и тени правды нет:
Бессмертные не умирают!

1816

В. В. Капнист

На кончину
Гавриила Романовича Державина

Вовеки лирой будет славен
Анакреон и Флакк и Пиндар наш
Державин

«Уж нет его! — в унылом стоне
Печальных муз мне слышен глас. —
Уж нет его! На Геликоне
Российский светлый фар¹ погас!
Певец любви, победы, бога
Через праг Плутонова чертога
В подземный Элизей² грядет.
На круге звездного эфира
Затмилася небесна лира³:
И, ах! Державина уж нет!»

Что слышу я? О весть жестока!
Удар сей душу мне пронзил,
И гнев непримирима рока
Вновь чашу зол над мной излил:
Вновь верного лишает друга.
Там плачет нежная супруга,
Толпа тут бедных и сирот.
Неумолимая судьбина
Отъемлет у России — сына,
У мира — образец доброт.
О скорбь! И скорби безотрадной
Мы в горьких не смягчим слезах;
Рыдаем, а в могиле хладной
Бессмертного уж тлеет прах;

Уста, что гимнами гремели,
И сердце, в коем пламенели
Любовь к добру, ко злобе гнев,
Уже голодный червь снедает.
Увы! всё в мире поглощает
Ненасытимый смерти зев.

О смерть! и царь, и раб презренный
Подданство всё равно твое,
И все, как жертвы обреченны,
Падут на остро лезвиё.
Равно сражая скорбь и радость,
И ветхость, и красу, и младость
Непритупленную косою,
Трофей ты пеплом посыпаешь
И славны царства поращаешь
Пустынным терном и травой.

Как быстрая река в долине,
Через кремнистый рея праг,
Коснувшись морской пучине,
Теряется в ее зыбях;
Древа, возвращенные веками,
И зданья, срынуты волнами,
Мелькнув мгновенно, тонут в ней, —
Так вся мирская скоротечность,
Через тебя вливаясь в вечность,
В глубокой гибнет бездне сей.

Но нет, муж, Фебом увенчанный,
Под общий не идет закон:
Как остров близнеца Дияны⁴,
Из бездн морских возникнет он;
На корне лавра утвердися,
Угрюмой бури не страшася,

Священное чело взнесет
Поверх пучины разъяренной,
И Аполлонов лес зеленый
Там для венков его возрастет.

Иди, подобно водопаду,
Что с гор высоких в дол стремится
Хрустальну быстрых вод громаду
И громом грома звук глушит,
В алмазах солнца луч играет
И радугу изображает
В поднявшейся от брызгов мгле;
Жемчуг клубами в пене льется,
И мрачный бор сырой трясется,
Низвесься на его челе.

Но вдруг зима, дохнувши мразом,
Падущи леденит ручьи;
Блестящи яхонтом, алмазом,
Оцепенев, висят струи,
По них сверкает луч игривый,
И разноцветные отливы
Еще ярче взор разят,
Ловец приблизиться страшится
И в изумленьи лишь дивится,
Что не гремит уж водопад!

Но ты, под гробовой доскою,
Державин! гимнами гремишь,
И поздний род твоей трубою,
Цевницей, лютнею пленишь.
Где сыщется в пространном мире,
Кто б так, как ты, на звонкой лире
Воспел величество творца,
Победы росса знамениты,

Волшебны прелести Хариты
И блеск Фелицына венца?

Поборник правды, ты святую
Всем гласно истину вещал,
Разил коварство, хищность злую,
Гордыни буйство унижал.
В картинах резких иль игривых
Представил страсти душ строптивых
И счастья льстивого мечты;
Вождей и грозных память боев,
Монархов мудрых и героев,
И славу — обессмертил ты.
Пока сиять Россия будет
В торжественных венках побед,
Тебя потомство не забудет
И имя барда вознесет.
Злый Хрон⁵, всё в мире истребляя,
Твой памятник истнить желая,
Преткнется о ступень его;
И, вечною покрытый тьмою,
Плутон забвения рекою⁶
Не смоет лавра твоего.

Пергам⁷ трава уж зарастила,
Ограды снес морской разлив,
Но, славу сохрани Ахилла,
Омир средь нас доныне жив.
Так ты, хотя б леса, пустыни
Покрыли росские твердыни,
Как лавр священный процветешь
Над падшею во прах державой.
Державин! ты своею славой
И славу росса преживешь.

Почто же слабыми стихами
Дерзнул бессмертного я петь?
Омывши памятник слезами,
В молчаньи должно б мне скорбеть.
Увы! прости мне, друг любезный!
Что с томной жалобою слезный
Из сердца проливаю ток,
Прости, и песнь сию унылу
Прими, о друг мой! на могилу,
Как скорбью брошенный цветок.

1816

В. В. Капнист

На тленность

«Река времен в своем теченьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Через звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы»¹.
Так лебедь пел, Пиндár российский,
Когда готовился уж час,
В полете быстром к гробу близкий,
Взвенеть ему последний раз.
И в миг, как хладною рукою
Уж лиру смерть рвала из рук,
Так громкой он издал струною
Пленительный последний звук.
Из века в век сей звук прольется.
Державин, нет! Всежруща тлень
К венкам твоим не прикоснется,
Пока светящий смертным день
Чредиться будет с ночью звездной,
Пока ось мира не падет, —
Времен над реющею бездной
Венок твой с лирою всплывет.

1816

С. В. Капнист

Горсть земли на могилу благотворителя

Друзьям Державина

И вы его любили,
И дружества слезой
Вы прах его почтили;
Вам стих печальный мой
Я посвятить желаю,
В нем чувства моего
Я тень изображаю —
Примите вы его.

Где ты, Муж, Богом вдохновенный,
О добрый благодетель мой?
Державин! ты ли пал сраженный
Под лютой роковой косою?
И над твоею ли могилой
Звук лиры моя унылой
Печально вторит скорь мою?
Увы! Удар уже свершился!
Державин в вечность преселился,
И я над прахом слезы лью.

Петь радости... легко, отрадно,
Петь горесть... лиры звон молчит.
Сколь в мире счастье превратно,
И сколь его переменчив вид!
Державин! я вчера с тобою
Добра пленялся красотою,
Тебе внимая, счастлив был...
Но радость смежна со слезами:

Сегодня Волхова струями
Тебя к могиле проводил¹.

Ничто судьбы не избегает,
Всему здесь положен предел;
Не вечно счастье нас ласкает,
Увы! и я осиротел!..
Цветок, растущий на долине,
Недолго в счастливой судьбине
Красой и запахом пленял...
Луч солнца к югу уклонился,
Ветр дунул, льдами ток стеснился,
И где ж цветок? Цветок увял!

Но солнце снова воссияет,
Цветок, быть может, оживет,
Лишь мне надежда изменяет,
Мое лишь солнце не взойдет.
Сокрылся луч, меня хранящий!
За часом час, вослед летящий,
Лишь хлад душе моей несет;
Мне в сердце горесть поселилась,
Мысль мрачным облаком покрылась,
И смерть во гроб меня зовет.

О смерть! последняя отрада!
Скажи: почто щадишь меня?
Скажи: ты казнь или награда?
Тебя достойна ль жертва я?
Скажи, — коль смертным знать то можно,
Желать иль трепетать нам должно
Прихода твоего часа?..
Но ты молчишь — и пожинаешь!
Ты тайну в вечности скрываешь,
И всем грозит твоя коса.

Молчишь... Но сердца глас вещает,
Что ты одним злодеям страх.
Что муж благий тебя желает,
Что рай его лишь в небесах.
Путь жизни сей — путь испытаний,
Через цепь всех зол, через цепь страданий
Он к светлой вечности ведет.
Державин смерти не страшился,
Он смертью к славе возродился,
Его прельщал лишь вечный свет.

Кто мыслью с Богом съединился,
Дерзнув непостижимость петь,
Кто с самых юных дней учился,
Покорствуя судьбе, терпеть,
Кто с скорбным слезы проливает,
Сирот лелеет и питает,
Несчастному отраду льет,
Всяк час добро творить стремится —
Тот смерти верно не страшится
И вечно смертью не умрет.

Ликуй, дражайша тень, в чертоге
Творца и Бога твоего!
Ты мыслить здесь дерзал о Боге,
А там ты пред лицом его.
Но мы во тьме блуждать остались
И в прахе, где поднесь скитались,
Не сыщем места отдохнуть,
Пока, оконча путь страданий,
Испивши чашу слез, рыданий,
Мы удостоимся заснуть.

Но ты заснул... и всем ли можно
Тебе подобно кончить век?

Блажен, блажен стократ неложно,
Кто так, как ты, свой путь протек.
Ты жизнь небесную вкушаешь,
Ты жив, — ты с нами обитаешь!
Тобой в сей миг внушенный, я
Твой стих здесь повторить дерзаю,
В восторге чувства восклицаю:
«Жив Бог! — жива душа твоя!»

1816

А. Дельви́г

На смерть Державина

Державин умер! чуть факел погасший дымится, о Пушкин!
О Пушкин, нет уж великого! Музы над прахом рыдают!
Их кудри упали развитые в беспорядке на груди,
Их персты по лирам не движутся, голос в устах исчезает!
Амура забыли печальные, с цепью цветочною скрылся
Он в диком кустарнике, слезы катятся по длинным ресницам,
Забросил он лук и в молчаньи стрелу об колено ломает;
Мохнатой ногой растоптал свирель семиствольную бог Пан.
Венчан осокою ручей убежал от повергнутой урны,
Где Бахус на тигре, с толпою вакханок и древним Силеном,
Иссечен на мраморе — тина льется из мраморной урны,
И на руку нимфа склоняясь, печально плескает струею!
Державин умер! чуть факел погасший дымится, о Пушкин!
О Пушкин, нет уж великого! Музы над прахом рыдают!
Веселье в Олимпе, Вулкан хромоногий подносит бессмертным
Амброзию, нектар подносит Зевесов прелестный любимец.
И каждый бессмертный вкушает с амброзией сладостный нектар,
И, отворотясь, улыбается Марсу Венера. И вижу
В восторге я вас, полубоги России. Шумящей толпою,
На копья склоняясь, ожиданье на челах, в безмолвьи стоите.
И вот повернул седовласый Хрон часы, пресекали
Суровые парки священную нить — и восхитил к Олимпу
Святого певца Аполлон при сладостной песне бессмертных:
«Державин, Державин! хвала возвышенным поэтам! восстаньте,
Бессмертные, угостите бессмертного; юная Геба,
Омой его очи водою кастальскою! вы, о, хариты,
Кружитесь, пляшите под лиру Державина! Долго не зрели
Небесные утешенья земли и Олимпа, святого пиита».
И Пиндар узнал себе равного, Флакк — философа-брата,

И Анакреон нацедил ему в кубок пылающий нектар.
Веселье в Олимпе! Державин поет героев России.
Державин умер! чуть факел погасший дымится, о Пушкин!
О Пушкин, нет уж великого! Музы над прахом рыдают.
Вот прах вещуна, вот лира висит на ветвях кипариса,
При самом рожденьи певец получил ее в дар от Эрмия.
Сам Эрмий уперся ногой натянуть на круг черепахи
Гремящие струны — и только в часы небесных восторгов
Державин дерзал рассыпать по ней окрыленные персты.
Кто ж ныне посмеет владеть его громкою лирой? Кто, Пушкин!
Кто пламенный, избранный Зевсом еще в колыбели, счастливец
В порыве прекрасной души ее свежим венком увенчает?
Молися каменам! и я за друга молю вас, камни!
Любите молодого певца, охраняйте невинное сердце,
Зажгите возвышенный ум, окрыляйте юные персты!
Но и в старости грустной пускай он приятно на лире,
Гремящей сперва, ударяя, — уснет с исчезающим звоном!

1816

А. И. НЕСТЕРОВ

При гробе Державина

При томном месяца мерцаньи
Я зрю — в печальном одеяньи
На хладном камне сем Поэзия грустит,
Среди безмолвия природа унывает;
Лишь надпись звездная на небесах блистает:
«Благоговей земля! — здесь Бард бессмертный спит!»

1816

Н. М. ШАТРОВ

Праху Державина

Замолк гремящий бард Фелицы,
Как в тучах вспыхнувший перун;
Уже надгробные цевницы
Бряцанием железных струн
О смерти барда возвестили,
И барды барда проводили
В страну блаженных праотцов.
Рыдайте, девы Геликона:
Почил любимец Аполлона!
Почил — великий из певцов!

Он пел могущую царицу,
Как бард шотландских берегов¹;
Он пел бессмертную Фелицу,
Как бард, достойный петь богов.
Он пел — и песнь, как вихрь неслася,
Как шумный водопад лилася,
Как щит — звучал высокий слог.
Дивились барды, ревновали,
Все подражать ему желали;
Но подражать — никто не мог.

Он пел и смело прикасался
К золотым Орфеевым струнам;
От звуков воздух сотрясался,
И бард как гром являлся нам.
От струн его лучи блистали,
Из перстов искры вылетали,
Сияла арфа как луна,

Слетались тени слушать пенье,
Сама Фелица в то мгновенье
Восторгами была полна.

Как Пиндар, вечно незабвенный,
Он пеньем нас очаровал,
И, как Рафаэль² несравненный,
Пером волшебным рисовал
Картины дивные природы,
И, как певец златой свободы,
Он путь к сердцам умел найти,
И стройным лебединым пеньем³,
Одушевляясь вдохновеньем,
Умел всех бардов превзойти.

Его перо — перо науки,
Его язык — язык богов,
Его победных песней звуки —
Как звуки пламенных громов,
Его «Бог» ода — удивленье,
Псалмы, «Сосед», «Мурзы виденье»,
«Вельможа», «Счастье», «Водопад»,
«Умеренность» и две Фелицы⁴
Прейдут потомства за границы
И будут цвести, как райский сад.

Какой из современных гений
Оспорит у него венец?
Грозами стройных песнопений
Какой сравнится с ним певец?
Он кончил жизни подвиг тленный,
Но струны арфы вдохновенной
Не могут с бардом умереть:
Их звуки в вечности отгрянут

И никогда не перестанут
Для царства русского греметь.

Хотя гробницы время гложет
И камни поглощает их,
Колоссы дивные ничтожит
Ударом тяжких крыл своих;
Земную славу затмевает,
На всё, как ветер, навевает
Забвенья вечного туман, —
Но не поглотит вдохновенья,
Превыше времени, забвенья
Екатеринин Оссиан.

Мир барду! песнопению слава!
Покойся на золотых венках!
Твоя хвала — как Этны лава.
Удел великих — жить в веках!
И ты в веках с Екатериной
Жить будешь песнью лебединой,
Под блеском вечного венца.
Тебя потомство не забудет,
И долго, долго здесь не будет
Тебе подобного певца.

<1816>

В. С. ФИЛИМОНОВ

Надгробная песнь Державину

Ах! с самого неба
К чадам земли ты послан был, —
Да не падут они духом...

Востоков

Державин... прах! — Уныла лира,
Последний долг Певцу отдай!
Печаль глубокую полмира,
Печаль России разделяй!
Ее могущества свидетель,
Певец пел славу, добродетель,
Сиянье Царского венца,
Чудесны красоты Природы....
Природа, Слава, Царь, народы,
В нем все лишился Певца.

И ты, воспевший три Державы,
России доблестных сынов,
Народной возвеститель славы,
Отчизны честь, краса певцов,
Царей наперсник, страж закона,
Невинных щит, опора трона,
Минервы Северной Певец:
Гость мира, мир ты оставляешь!...
И ты, Державин, умираешь,
Поэт, Вельможа и Мудрец!

И ты?... Нет! духом окрыленной,
Ты свод небесный рассекал,
Горе носился над вселенной,

Луч с неба яркий похищал,
И долу низводил сиянье;
Ты мудрое проник созданье,
Ты образ Бога начертал,
Его величия достойной;
Певец! твоей глас лиры стройной,
Восторга глас — не умолкал! —

Восторг, восторг не умирает!
Сей луч божественный горит!
Сей дух Певца не исчезает!
Он жив, нетленен, он парит!
Им возбужденно восхищенье,
К добру, к великому стремленье,
Сей разлианный в мире свет!
Есть свет небес: он не затмится,
И им потомство озарится!
Державин вечен: он Поэт!

Гордись, гордись его рождением,
Ты, Фивы¹ Севера, Казань!
О, Новгород!² ты с сокрушеньем,
Ему последню давший дань,
Гордися славою унылой:
Певца священной могилой!
А ты, где в неге золотой,
Свободу пел цветущий Гений,
Пел тихих прелесть наслаждений:
О, Званка, — счастлив жребий твой!

Усопшего Поэта-друга
Храни бесценный истукан,
Осиротевшая супруга!
Се образ Пиндара Славян!
Да сей кумир со умиленьем

И с торжеством, благоговеньем,
Перенесется славы в храм
Из мирного любви чертога!
Пред тем, кто пел в восторге Бога,
Да воскурится фимиам! —

О, с детства мой Поэт любимый,
Моим ты вдохновеньем был;
Ты с детства мной боготворимый,
Мне мир Поэзии открыл...
Волшебный мир очарованья,
В нем жизнь другую, жизнь мечтанья,
В нем радость чистую познал,
Познал небес благотворенье;
Твою я власть, воображенье
И нову жизнь благословлял!

Певец! оставленным тобою!
Не преставай благотворить!
Владей и там моей душою:
Вдохни свой дар в потомстве жить!
Тобою дух мой пробужденный,
Да твой постигнет дар священный! —
Певец, будь Гением моим!
Достиг ты славы до вершины,
Был отзывом ЕКАТЕРИНЫ;
Да буду отзывом твоим!

<1817>

Н. Ф. ГРАММАТИН

Надпись к портрету Державина

Прочь, прочь, не стихотворец ты,
Не чувствуешь коль вдохновенья.
Ты зришь Державина черты,
Царя ты видишь песнопенья.

<1818>

М. В. Милонов

На кончину Державина

Элегия

He was a man, take him for all in all.
We shall not look upon his like again!

Шекспир

О ком, зрю, хариты и музы в печали,
О ком умоляют власть грозных судеб?
Но тщетно на урну, взывая, припали:
Ты скрылся, Державин! — ты скрылся, наш Феб!

И глас их не слышит уж сердце поэта!
Цевницы во прахе — нет жизни в струнах...
О бард! и на лиру, пленявшу полсвета,
На лиру ль бессмертья сей падает прах?

Где ж вечность и слава, о коих поведал
И двигал к ним сердце героев, царей?
Кому, песнопевец, кому ты передал?
Небесный твой пламень, другой Прометей?

Увы, всё в подлунной на миг лишь созданно!
Кичливости смертных повсюду урок;
Нетленный твой вижу, злой смертью сорванный,
На гробны ступени катится венوك...
Венок, кем бессмертна России царица?
Что слава сплетала, тобою гордясь?
Нет, бард наш единый! прах скрыла гробница —

Но вечность над нею с тобой обнялась!

И, в недра приемля гроб славного праха,
Обитель истленья, святится земля.
Вняв глас твой, о гений! со смертью без страха
Сойдусь — и за гробом увижу тебя:

В сиянии небесном, где днесь, песнопевец,
Ты вновь пред Фелицей — царей образцом,
И севера витязь³, ее громовержец,
Склоняет при встрече пернатый шелом.

Сияй между ними, от муз похищенный,
На след твой взираю я с завистью днесь —
И скорбью к могиле несую отягченный
Всё, что лишь имею: и слезы, и песнь!

Там, мнится, твой гений гласит, отлетая:
«Что петь мне: царицы единственной нет!»
Отчизна вещает, твой гроб обнимая:
«С величьем народа родится поэт»⁴.

Как дни исчезают, и смертных так племя, —
Гробницей великих их след познаю;
Твой памятник видя, зрю, самое время
Склонилось недвижно на косу свою.

Твой путь был ко славе усыпан цветами;
Особая участь счастливцу дана:
Ты пел, окруженный бессмертья сынами, —
По отзывам лиры ценят времена.

<1818>

А. Родзянко

Державин

Смотри: безоблачных небес
Полночный край воспламенился!
Гром с треском в тверди прокатился!
Скала дымится! вспыхнул лес!
И в щепы лавр уединенный,
Богиням Пинда посвященный!

Колеблется Делидов храм¹;
Сто врат вдруг с шумом растворились,
Огни мгновенно погасились,
И глас, глас бури по волнам
Во сводах капища раздался,
Увы! изыдем — он скончался!

Трепещет жрец, повергся в прах;
Кумир потуск и зашатался;
Бессмертный лавр с главы сорвался
И лира треснула в руках! —
Кто, Неба ветвь, иль смертных рода,
О ком вся сетует природа?

На дно ли Орковых пучин
Пал с трона Царь богоподобный?
Низвержен ли в вертепы гробны
Побед, торжеств и славы сын?
Иль ум парящий, к солнцу близкий
Нисходит в области Стигийски?

Внезапно край подземных волн
Толпы теней покрыли смутны,

И брег, рождению недоступный,
Движения, казалось, полн —
Казалось, жизнь на оном дышет,
Казалось, шорох ухо слышит!

По мрачной Стикса глубине
Ладья скользит едва приметно;
В ней кормчий, миру равнолетней,
С веслом огромным зрится мне,
И призрак мужа, как пар ночи,
В ней зыбляся, мелькает в очи.

Ордынска шапка на главе;
На персях светлый знак боярский;
Одета тень в наряд Татарский;
Над ней склоненны тени две;
В руках воздушная цевница
В слух веет: Рымникский! Фелица!

Я узнаю тебя, Певец!
Наш соловей; перун полночный;
Знаком мне глас сей звучный, мочный,
Восторг ума, порыв сердец,
Уста сии, что доблесть пели,
Трех царствований честь гремели!

Как солнца бег останавлил
Один из земнородных Навин,
Так, Богом вдохновен Державин,
Один постигнуть Бога дал.
По песням вечный в вечность скрылся,
Огонь неба в небо возвратился!

Внимая вздох последний твой,
Мне мнится видеть пред собою

Век столь прославленный тобою
Вновь нисходящим в гроб с тобой,
Дождь искр с колес его блестящих
В бездонный океан летящих.

Дрожащий Турк, Сармат в цепях,
Синил в огне, в плену Варшава,
В стыде бегущий лев Густава —
Триумф на суше, на водах,
Мир, движимый ЕКАТЕРИНОЙ,
Огромной предстоят картиной!

Веселье Царскосельских дней,
Калифских праздников Тавриды,
Олимпские волшебны виды,
И пред Владычицей своей
Князь славы, в прах чело клонящий,
«Велик Тобой!» — сквозь слез гласящий.

Орловы, Рымникский, Репнин,
Румянцов, пышный Двор, блестящий,
Громады Бецкий возносящий,
Шувалов в храме Мнемозин,
И ПЕТР, сам ПЕТР среди полета
В меди оживший Фалконета!

Как сладкими мечтами сна
Собывшихся надежд прелестных,
Видений прошлого чудесных
Душа толпой окружена;
Минувшего в Дедале мира.
Ей вождь твоя, Державин, лира!

Звучит — и сонмы звезд золотых
Изводит имена героически,

Царей величит, движет войски,
И в зеркале стихов твоих
Блится слава, дух народа
И вся прекрасная природа.

Сам Лель с тобою на пирах
Поет вино, красавиц, младость,
И в звуках арфы нега, радость
И страстной девы на щеках
Горит влюбленное лобзанье
И тайное в глазах желанье.

Пророческий ль возвыся глас,
Псалтыри в струны ударяешь,
Тибурски ль песни повторяешь,
Приводишь к водопаду ль нас? —
Морвена Бард, Давид, Гораций,
Орган небес и лютня Граций!

Где Обь серебристой пеленой
Льет в тундрах зыбкие кристаллы,
Где в юрте дремлют Камчадалы,
Где островитянин скупой²,
Коварством, морем огражденной
Бежит сообщества вселенной:

И там — в святилище богов
Висит твоя над тронном лира?
И в дикости угрюмой мира,
Среди метелей, вьюг, снегов,
Бессмертной отголоски внятны,
В чертогах, в шалаше приятны!

Трепещут искры вокруг шатром,
Сверкают молнии вверх пуками,

Дым, камни, лава, огонь клубами
Бьют водометом над жерлом,
И разливаясь под горою,
Крутятся звездною рекою!

В полнеба зарева пожар,
Стон берега, рев валов унывный,
Удары грома непрерывны,
В один слиянные удар,
И смертный бледной, оглушенной
Дивится — Этне воспаленной!

Не се ли твой, о Бард наш! дух
Великолепный, быстрый, смелый,
Бросающий и огонь, и стрелы,
Где кончится созданий круг! —
Я человека забываю,
Певца бессмертье созерцаю.

Пусть червь презренный двух холмов,
С пелен забытый Аполлоном,
Тот камень оскорбляет стоном,
Где лебедь спит Невы берегов;
Пусть неутешная супруга
Над урною рыдает друга.

Я Скиф — нет слез в глазах моих,
Что слабый смертный жил не вечно.
Но кто для славы жил, конечно,
Столетия жил, хоть жил он миг;
Кто приобщился в лик бессмертный,
О том виновны слезы тщетны.

Прочь, ход плачевный похорон!
В прах, смерти мрачны одеянья!
Плачь, вопли — слейтесь в восклицанья!

В глас трубный — погребальный звон!
Рассыпья лавром, ельник скорбный!
Встань жертвенником, мрамор гробный!

Сюда, о чада всех племен!
От вод Ботнийских до Байкала,
Всех Муза вас его пленяла;
Да будет вами он почтен;
Чтить славного отчизны сына
Есть долг святейший гражданина.

Высокий стихотворный бой!
Венчай сей гроб из рода в роды! —
Оставь, дух светлый! горни своды,
Достойной веселись хвалой,
Зри шумные народа волны,
Восторга, удивленья полны!

Что говорю в забвеньи я?
Где поприще? Где ликованье? —
Кругом угрюмое молчанье;
В пустынном храме тень твоя
Неуспокоенна блуждает,
И эхо стоны повторяет!

Иль ум, достоинство хвалить
Забыли чад полных души? —
Иль век от нас умчал минувший
И гордость благодарным быть? —
Иль Муз чужда ПЕТРА столица? —
О дни бессмертны! — О Фелица!

<1818–1819>

П. А. ПЛЕТНЕВ

Гробница Державина

Элегия

В сем прахе не умолкнет пенье
Душой бессмертной полных струн...
И будет пламень, в нем горевший, согревать
Жар славы, благодати и смелых помышлений
В сердцах грядущих поколений!

Жуковский

Молчит угрюмый бор, одетый ночи мглой,
И дремлет брег над Волховской пучиной;
Последний отзыв волн, уснувших под скалой,
Умолк в бегу за дальнею равниной;
Туманы разлились по злачным берегам
И зыблются прозрачной пеленою;
Бледна, задумчива, по синим небесам
Луна течет над гладкою рекою;
На скалах дальних гор, в окрестности немой,
Как призраки, являются селенья,
И Новгород, как гроб обширный, предо мной
Лежит, простерт в тиши уединенья;
И мнится здесь, меж тем, как маки сыпет сон
Над древнею полночных стран столицей
С губительной косою стоит незримый Крон,
Грозя своей всемошною десницею.
Везде разбросаны, неумолимый бог,
Побед твоих ужасные трофеи:
Обломки мраморны покрыл зеленый мох,
И гордые упали мавзолеи;
Полуразрушенный, и под твоим ярмом,
Как скованный чугунными цепями,

Великий Новгород, склонившись в прах челом,
Уж не взмахнет орлиными крылами.
Иду... и ряд могил в траве передо мной
Широкою простерся полосой.
Сюда, надменные счастливы под луной!
Спешите здесь, полуночной порою,
Прочсть свою судьбу! Под мрамором в пыли
Истлевшие давно здесь полубоги
Вам возвестят, куда идут сыны земли
И розами с украшенной дороги.
Страна забвения! И под моей ногой,
Как меж гробниц уединен блуждаю,
Быть может, здесь лежит протекших лет Герой,
И я в сей миг Героя попираю;
И не шумит над ним, взносясь до облаков,
Тот гордый лавр, которого листьями
Убранное чело наперсника богов,
Как солнце, светлыми цвело лучами!
Но что за тени там, чуть зримые в дали,
На свежую могилу низлетают,
И урну с двух сторон, как стражи, облегли
И, мнится. слух на голос преклоняют?
Кто та таинственна посланница небес,
Поникшая венчанною главою,
Порфиру опустив с рамен, потоки слез
Струит в ночи над гробовой доскою?
И кто сопутник ей, повергший меч и щит
И шлем к подножию безмолвной урны,
Простерши древнюю геройску длань, скорбит
Подъемля взор на небеса лазурны?
И кто в могиле ты: блюститель прав, Герой,
Народов ли и стран завоеватель,
Служитель алтарей иль, избранный судьбой
Для блага царств, мудрец-законодатель?
Безмолвие... В гробах и на гробах все спит!

Лишь тайное в глазах моих виденье,
Лишь преклоненный слух, как бы душе гласит:
 С зарей и ты услышишь песнопенье!
Но вот проснулся день: восточных облаков
 Пушистые края озолотились;
Бегут туманы с гор, полей и берегов,
 За ними Сириус и ночь сокрылись.
Безмолвны тени ждут — безмолвен тлеет прах;
 Но первое лишь веянье зефира,
Струясь по полям, взыграло на листьях...
 Воскреснула невидимая лира:
То льется по лугам, как песня соловья¹
 Весеннего, ее очарованье;
То ропчет, как ручья прозрачного струя
 Или ветвей древесных трепетанье;
То вьется, будто вихрь, несется по лесам
 И рассыпается на доли градом;
Гремит, как бурный гром, гремящий по горам,
 Или ревет, как Суна, водопадом².
И радость вокруг меня, как солнца луч златой,
Воскресла на гробах, и легки тени,
Вняв гласу сладкому, с весельем предо мной
Сокрылись в своей небесной сени.
И тайна с глаз моих снимает свой покров:
Здесь он лежит... Колена преклоняю
Пред урною твоей, любимец, друг богов,
С благоговением твой прах лобзаю!
О счастливый Певец счастливейших времен!
Придут, придут сюда из отдаленья
Грядущих чада лет и чуждых нам племен
Блуждать, как я, и слушать песнопенья —
И дряхлый Новгород тобою не умрет.
 В развалинах отечества Вадима³
Еще придут искать твоей гробницы след,
Как в Риме прах Певца Ерусалима⁴.

<1819>

В. И. ПАНАЕВ

К родине

(фрагмент)

Но волжские края — для вас забвенья нет
И в самом вашем запустеньи!
Не западет времен в неистовом стремленьи
Для россиянина к вам след!

К вам некогда придет искать он колыбели
Того бессмертного певца¹,
На чьей главе мы три завидные венца
Сплетенными в единый зрели;

Который с Пиндаром взлетал до облаков,
От взора в высоте скрывался;
С Горацием на блеск, на пышность ополчался,
Изобличал временщиков;

С Анакреоном пел роскошные обеды,
Вино, любовь и красоту,
Дев русских прелести, их пляску, простоту,
Восторги чувств, любви победы.

1820

А. Д. ИЛЛИЧЕВСКИЙ

На кончину Державина

Содрогайся, Парнас! и скорбию покройся;
Вы, Музы! лиры в прах: любимец ваш почил.
Ты, коей он сто уст и крыльев утомил,
Вещай: Державина не стало — и покойся.

<1822>

К. РЫЛЕЕВ

Дума Державин

С дерев валится жёлтый лист,
Не слышно птиц в лесу угрюмом,
В полях осенних ветров свист,
И плещут волны в берег с шумом.
Над Хутынским монастырём¹
Приметно солнце догорало,
И на главах златым лучом,
Из туч прокравшись, трепетало.

Какой-то думой омрачён,
Младый певец бродил в ограде;
Но вдруг остановился он,
И заблестал огонь во взгляде.
«Что вижу я?.. на сих берегах, —
Он рек, — для Севера священный
Державина ль почитет прах
В обители уединенной?»

И засияли, как росой,
Слезами юноши ресницы,
И он с удвоенной тоской
Сел у подножия гробницы;
И долго молча он сидел,
И, мрачную тревожим думой,
Певец задумчивый глядел
На грустный памятник угрюмо.

Но вдруг, восторженный, вещал:
«Что я напрасно здесь тоскую?
Наш дивный бард не умирал:

Он пел и славил Русь святую!
Он выше всех на свете благ
Общественное благо ставил
И в огненных своих стихах
Святую добродетель славил.

Он долг певца постиг вполне,
Он свить горел венков нетленной,
И был в родной своей стране
Органом истины священной.
Везде певец народных благ,
Везде гонимых оборона
И зла непримиримый враг,
Он так твердил любимцам трона:

«Вельможу должны составлять
Ум здравый, сердце просвещенно!
Собой пример он должен дать,
Что звание его священо;
Что он орудье власти есть,
Всех царственных подпора зданий;
Должны быть польза, слава, честь
Вся мысль его, цель слов, деяний»².

О, так! нет выше ничего
Предназначения поэта:
Святая правда — долг его,
Предмет — полезным быть для света.
Служитель избранный творца,
Не должен быть ничем он связан;
Святой, высокий сан певца
Он делом оправдать обязан.

Ему неведом низкий страх;
На смерть с презрением взирает

И доблесть в молодых сердцах
Стихом правдивым зажигает.
Над ним кто будет властелин? —
Он добродетель свято ценит
И ей нигде, как верный сын,
И в думах тайных не изменит.

Таков наш бард Державин был, —
Всю жизнь он вёл борьбу с пороком;
Судьям ли правду говорил,
Он так гремел с святым пророком:
«Ваш долг на сильных не взирать,
Без помощи, без обороны
Сирот и вдов не оставлять
И свято сохранять законы.

Ваш долг несчастным дать покров,
Всегда спасать от бед невинных,
Исторгнуть бедных из оков,
От сильных защищать бессильных»³.
Певцу ли ожидать стыда
В суде грядущих поколений?
Не осквернит он никогда
Порочной мыслию творений.

Повсюду правды верный жрец,
Томяся жаждой чистой славы,
Не станет портить он сердец
И развращать народа нравы.
Поклонник пламенный добра,
Ничем себя не опорочит
И освященного пера —
В нечестьи буйном не омочит.

Творцу ли гимн святой звучит
Его восторженная лира —

Словами он, как гром, гремит,
И вторят гимн народы мира.
О, как удел певца высок!
Кто в мире с ним судьбою равен?
Откажет ли и самый рок
Тебе в бессмертии, Державин?

Ты прав, певец: ты будешь жить,
Ты памятник воздвигнул вечный⁴, —
Его не могут сокрушить
Ни гром, ни вихорь быстротечный.
Певец умолк — и тихо встал;
В нём сердце билось, и в волненьи,
Вздыхнув, он, отходя, вещал
В каком-то дивном исступленьи:

«О, пусть не буду в гимнах я,
Как наш Державин, дивен, громок, —
Лишь только б молвил про меня
Мой образованный потомок:
“Парил он мыслию в веках,
Седую вызывая древность,
И воспалял в младых сердцах
К общественному благу ревность!”»

1822

В. И. ТУМАНСКИЙ

Век Елисаветы и Екатерины

(Отрывок из послания к Державину)

Ты помнишь ясное Елисаветы время,
Когда, на слабый мир бросая верный взгляд,
Мы стали с важностью народов первых в ряд.
В те дни всё было шум и пиршество и радость;
Надеждой почестей одушевляясь, младость
Стремилась к знаниям в волненьи гордых дум,
В приятных обществах с умом сближался ум.
Свободу отыскав, предательницы-жены
Слагали варварства последние законы
И, строгость лишнюю вменив себе в позор,
Любезностью своей увеселяли двор.
В сердцах проснулись возвышенные чувства:
Желанье нравиться — произвело искусства.
Тогда, нежданностью дивя полночный свет,
Рыбак по промыслу, но по душе поэт,
Рожденный средь пустынь и ледяных утесов,
На лире загремел впервые Ломоносов.
Чья хладная душа при имени его
Порывы укорит восторга моего?
Кто вспоминал без слез, кто слышал равнодушно,
Как отрок избранный, судьбе своей послушный,
Презрев опасности, покинув край родной,
Богатый верою, но с легкою сумой,
В плаще работника, одетый туманом,
К бессмертию ступал за бедным караваном.
Сбылись мечты его! Он видит древний град,
Куда с ладьи своей перелетал стократ,

Где ждут его труды и честь образования,
И новый дальний путь, и новы испытанья.
Но в чуждой стороне изнемогая вновь¹,
На миг почувствовав, преодолев любовь,
Беглец, не ведал он, мечтая о возврате,
Что друга обретет в российском Меценате²!

Ты воссиял, о Бард! Благословляю час,
В который Промыслом ты обречен для нас!
Люблю исследовать твой откровенный гений,
В волненьи первых дум и первых вдохновений.
Я вижу: на стене, в туманах, над рекой
Задумчиво стоит и ходит часовой³.
Всё спит; окованы ночной дремотой волны;
В прозрачных облаках блуждает месяц полный
И светом трепетным пылающих ланит
Младого ратника оружие серебрит.
Всё тихо, но толпой над юношею думы
Кружатся, носятся, то резвы, то угрюмы;
Пылает взор его: он жаждет громких дел,
Блаженства мирного не льстит ему удел
Без славы; почести не радостны без славы.
Он жаждет к вам принести, родимые дубравы,
Труды высокие, заслуженный венец
И память сладкую признательных сердец...
И вдруг — о дивный глас! — среди надежд и муки
С мечтой его слились неведомые звуки —
И стихла шумная в груди его борьба.
В тех звуках юноши исполнилась судьба,
И быстро осветил луч утренней денницы
Грядущего певца божественной Фелицы!

Ты зрел: уже собой дивила свет Она!
Рукой всевышнего от бедствий спасена,
Народов сильных Мать сияла в славной доле,

Как солнце на своем лазоревом престоле.
Заране предсказав успехи наших лет,
Ты зрел в очах Ее сей благодатный свет,
Как ток, пролившийся и в грады, и в пустыню.
Ты живо начертал сию полубогиню,
Хозяйку милую средь избранных гостей,
Героя и вождя в кругу богатырей,
Но всюду русскую, всегда Екатерину!
Жену, которая, очаровав судьбину,
Умела нисходить к мечтам от важных дум;
В безвестном юноше предвидеть зрелый ум;
Над сердцем властвовать, давать законы миру;
Улыбкою будить твою, Державин, лиру;
В доспехах воина скакать перед полком,
Вольтера побеждать аттическим пером⁴
И, даже в Сан-Суси пугая Фредерика⁵,
Не ведать, сколь сама прекрасна и велика.
О, сколько славных дел и памятных картин
В твоих писаниях! Правдивый гражданин,
Свободный в похвале, бесстрашный в порицанье,
Ты пел, восторженный, отчизны ликованье,
И, гордо отклонив в пристрастии упрек,
Ты внукам завещал Екатеринин век!
Величественный век! Вотще в мечтах безумных,
Как дети, радуясь толпе событий шумных,
Образователи людей на новый лад
Бросают на него неблагосклонный взгляд, —
Поднесь жива его зиждительная сила,
И слава наших дней его не помрачила.

1823

Б. М. ФЕДОРОВ

Ободрение

(фрагмент)

Сиянье дню, роса цветам,
Крыле уму в его стремленье,
Талантов воспитатель нам,
Живительное Ободрение!..
Не ты ль ввело молодых певцов
Марона, Флакка, честь веков,
В чертоги Мецената пышны?
Не ты ль восторг внушило им?
Их лирами — гордился Рим,
И звуки их вселенной слышны!

<...>

Здесь дар почтен! здесь он прославлен!
В стране побед, в земле снегов,
Афинских муз Парнасс восставлен!
Здесь холмогорский рыболов
Двор украшал Елисаветы;
Был зван на царственны советы
Державин, лиры властелин;
Венчанный лавром страж закона,
Предстатель Дмитриев у трона,
И гость чертогов — Карамзин!

Любимцы пиерид бессмертны;
Их имя, по теченью лет,
Из рода в роды отдаленны
Юнея, славою прейдет.
Изменится лицо Природы,

И минут царства и народы;
Афины были! — путник там
Одни развалины застанет;
Твой лавр, Державин, не увянет,
Взносясь челом, в упор векам!

Благоговенье к дому Феба!
Здесь жил Державин, здесь звучал!
Здесь, проповедник тайны Неба,
Он Бога пел — и мир внимал!
Следы его здесь не остыли;
Сюда мы зреть его спешили;
Мы не забыли звуки слов,
Как здесь приветным разговором,
Грядущее провидя взором,
Он ободрял молодых певцов.

Так, ободренья, ободренья
Прошу, о Музы! я от вас;
Вам на достойны песнопенья,
Внушите вы мой робкий глас!
Забудь звук чаш, пиров свидетель!
Венчай цветами добродетель,
Воспой Отечества сынов.
Победы славной ищет воин:
Да будет нас предмет достоин
Поэзия — язык богов.

1823

Предание

Посвящено Н. М. К-чу <Княжевичу>

(фрагмент)

Святая обитель¹, братьей красуясь, в тиши процветает,
Древняя роща прохладно шумит по скату горы,
И Волхов широкий и темный у стен монастырских бежит.
Пленный и святостью места, и благолепием храма,
Царь песней высоких² избрал там могилу для смертного сна...
Лира его золотая на камне могильном лежит,
Громкие струны затихли, звуки на небо умчались,
Потомки певца вспоминают, песням чудесным дивятся...
Но гордая лира его безмолвно на камне лежит; —
Никто не дерзнет ударить в струны ее золотые.

<1830>

М. ДЕЛАРЮ

К бюсту Державина

Державин! Державин! Твой лик предо мной,
Богато облитый огнем вдохновенья,
Как призрак чудесный святого виденья,
Сверкаешь и блещешь небесной красой.

Державин! Державин! Твой лик предо мной,
Но где же, исполненный сил и стремленья,
Твой дух величавый? В красе ли творенья
Бессмертье он черпает полной струей?

Из радуг ли тчет золотые покровы?
В заре ли купаясь, зарею горит?
На громы возлегши, по небу парит?

Иль сбросив с презреньем мирские оковы,
У дивного трона Владыки — Еговы
Хвалы ему в песне бессмертной гремит?

<1829>

Л. ИБРАГИМОВ

Память великому Державину

Как часто я на волжских берегах
Брожу задумчивый вечернею порою,
Когда луна на дремлющих водах
В лучах расстелется сребристую струю,
Или, печальная, во мраке туч потонет
И к меланхолии приятной душу склонит!
Душа полна святого вдохновенья,
Она уклонится от мира суеты, —
И на далекие небесные селенья
В раздумье устремит заветные мечты,
И ей рисуются прекрасные виденья,
Там, видел я, в венце златом сидит
Старик, склонив на длань главу свою седую,
И с неба светлого приветливо глядит!
На русскую страну, на родину святую...
Державин! это ты, певец Екатерины,
Который путь ее цветами устилал,
И как те русские счастливы исполины,
Которых подвиги ты славно воспевал!
Как лира звонкая божественно бряцала,
Когда ты в горня мечтами улетап,
И песням сладостным Монархиня внимала!
Ты век ее златой собою украшал!
Ты гений свой, светильник рая,
Когда он гаснул, догорая,
В последний раз воспламенил, —
Реку времен нам начертил!
Зачем же нет тебя, божественный, теперь,
Когда пред Русскими отперта славы дверь?..

Как расцвело твое отечество святое!
Царь мудрый, Царь-отец, им правит, в нем творит,
И просвещения светило золотое
Над ним, рассыпавшись, в лучах своих горит.
Тебя уж нет!.. твои замолкли струны...
И кто же, кто теперь гремящие перуны,
И славу Мудрого, и русскую страну
Так славно воспоет, как пел ты в старину?..
Ты в лоне вечности, божественный поэт!..
Уже и Пушкина на свете больше нет...
В твои объятия душа его слетела,
И лира русская опять осиротела,
И мне осталось об вас лишь сожалеть...
Желанье подражать в душе моей немеет...
Великий! я горю... но юноша не смеет
На родине Державина запеть!
И славу громкую, и лиру золотую
Наследия в удел ты мне не завещал.
И сколько я о том в час дум, в полночь глухую
Горячих слез с тоскою проливал!..
Но если ты на юного певца
Из неба ясного с улыбкой взоры склонишь,
И, может быть, хоть луч от своего венца
Мне в душу робкую приветливо уронишь,
Тогда на лире вдохновенной,
Восторгом сладостным горя,
Я буду петь наш край благословенный
И славу Русского Царя!

1839

К. А. Д.

На открытие памятника
Гавриилу Романовичу Державину в Казани

Вот здесь, на родине — среди ученой сени,
В ограде от невежд завистливых очей,
Бессмертному певцу высоких песнопений
Русь благодарная поставила трофей.

Не мирный прах певца в той сени почивает;
Не здесь прославился он в поздни времена:
Но сень та в том краю и тот край прославляет,
Где славному поэту жизнь была дана.

Тому, кто БОГА пел столь дивными стихами,
Кто так умно любил Фелицу прославлять;
Чей в громе стих гремел, чья песнь лилась с водами,
Кто знал ответ всему прекрасному отдать! —

Награда славному — достойна песнопений!
Хвала, хвала ему от сердца полноты!
Гордись, Россия! им: он — Русский, твой — он гений!
Гордись, Казань! его, певца, родила ты!

1847

А. Н. МАЙКОВ

Памяти Державина.
При получении известия
о победах при Синопе и Ахалцихе¹

Что слышу? Что сердца волнует?
Что веселится царский дом?..
Опять Россия торжествует!
Опять гремит Кагульский гром!²
Опять времен Екатерины,
Я слышу, встали исполины...
Но мой восторг не полон! Нет!
Наш век велик, могуч и славен;
Но где ж, Россия, твой Державин?
О, где певец твоих побед?
И где кимвал его, литавры,
Которых гром внимал весь мир?..
Не полны воинские лавры
Без звона неподкупных лир!
Кто днесь стихом монументальным
Провозвестит потомкам дальным,
Что мы всё те же, как тогда,
И что жива еще в России
О христианской Византии
Великодушная мечта!
К тебе, Державин, как в молитве,
К тебе зову! Услышь мой глас,
Как слушал бард о чудной битве
Простого пахаря рассказ.
С тех пор как жреческий твой голос
Умолкнул, много Русь боролась

Со злым врагом и клеветой.
В нас сил твоих недоставало
К ним стать лицом, поднять забрало
И грянуть речью громовой.
Пора забыть наветы злые,
Пора и нам глаза открыть
И перестать нам о России
С чужого голоса судить.
Пора! Завеса разорвалась!
В нас сердце русское сказалось!
Мы прозреваем наконец
В самосознании народном —
Нам не в Париже сумасбродном,
Не в дряхлой Вене образец.
В Европе слишком много кровью
Сама земля напоена;
Враждой упорной, не любовью
Взрастила чад своих она;
Там человека гордый гений
Зрел средь насильств и потрясений;
Дух партий злобу там таит;
Все живы старые обиды;
Над каждым мрачной Немезиды
Там меч кровавый тяготит.
А мы за нашими царями,
Душою веруя Петру,
Как за искусными вождями,
Пошли к величью и добру.
Они одни лишь угадали,
Какая мощь и разум спали
В богатыре земли родной,
Лишь бы монгольских зол заразу
С него стряхнуть и, как алмазу,
Дать грань душе его молодой.
Чем быть во изумленье миру —

Ему впервой разоблачил
Тот, кто сложил с себя порфиру
И как матрос и плотник жил;
За Русь пошел страдать, учиться.
Кто восхотел переродиться,
Чтоб свой народ переродить!
Познай, наш враг хитроугрозный!
С ее царем дороги розной
России ввек не может быть.
И пусть она еще ребенок,
Но как глядит уже умно!
Еще чуть вышла из пеленок,
Но сколько ею создано!..
Державин! Бард наш сладкострунный!
Ты возвещал России юной
Всё, чем велик здесь человек;
Ты для восторга дал ей клики,
Ты огласил ее, великий,
Трудов и славы первый век!
Восстань же днесь и виждь — как снова
Родные плещут знамена!
Во славу имени Христова
Кипит священная война,
И вновь Россия торжествует!..
Пускай Европа негодует,
Пускай коварствует и лжет:
Дух отрицанья, дух сомненья,
Врагов бессильное шипенье
Народный дух в нас не убьет!
У нас есть два врага — мы знаем!
Один — завистников вражда:
Не усмирив их, не влагаем
Меча в ножны мы никогда;
Другой наш враг — и враг кичливый —
То дух невежества строптивый!..

О Русь! их купно поражай!
Одних мечом, других сатирой,
И бранный меч с правдивой лирой
Единым лавром обвивай!
В ряду героев Измаила³
Да узрят наши имена,
Да знают: с ними в нас одна
Мощь разума и длани сила;
Да глубже мысль нам ляжет в грудь,
Что наш велик в грядущем путь, —
И тень певца Екатерины
На наше кликнет торжество:
«Они всё те же исполины
И помнят барда своего!»

1853

Г. ШЕНГЕЛИ

Державин

Он очень стар. У впалого виска
Так хладно седина белеет,
И дряхлая усталая рука
Пером усталым не владеет.

Воспоминания... Но каждый час
Жизнь мечется, и шум тревожит.
Все говорит, что старый огонь погас,
Что век Екатерины прожит.

Вот и вчера. Сияют ордена,
Синеют и алеют ленты,
И в том дворце, где медлила Она,
Мелькают шумные студенты.

И юноша, волнуясь и летя,
Лицом сверкая обезьяньим,
Державина, беспечно как дитя,
Обидел щедрым подаяньем.

Как грянули свободные слова
В равненьи и сцепленьи строгом
Хвалу тому, чья никла голова,
Кто перестал быть полубогом.

Как выкрикнул студенческий мундир
Над старцем, смертью осиянным,
Что в будущем вскипит, взметнется пир,
Куда не суждено быть званым...

Г. Шенгели

Бессильный бард, вернувшийся домой,
Забыл об отдыхе, о саде,
Присел к столу и взял, было, рукой, —
Но так и не раскрыл тетради.

1918

О. Э. МАНДЕЛЬШТАМ

Стихи о русской поэзии

1

Сядь, Державин, развалился, —
Ты у нас хитрее лиса,
И татарского кумыса
Твой початок не прокис.

Дай Языкову бутылку
И подвинь ему бокал.
Я люблю его ухмылку,
Хмеля бьющуюся жилку
И стихов его накал.

Гром живет своим накатом —
Что ему до наших бед?
И глотками по раскатам
Наслаждается мускатом
На язык, на вкус, на цвет.

Капли прыгают галопом,
Скачут градины гурьбой,
Пахнет потом — конским топом —
Нет — жасмином, нет — укропом,
Нет — дубовую корой.

1932

В. Ф. ХОДАСЕВИЧ

Не ямбом ли четырехстопным,
Заветным ямбом, допотопным?
О чем, как не о нем самом —
О благодатном ямбе том?

С высот надзвездной Музики
К нам ангелами занесен,
Он крепче всех твердынь России,
Славнее всех ее знамен.

Из памяти изгрызли годы,
За что и кто в Хотине пал,
Но первый звук Хотинской оды¹
Нам первым криком жизни стал.

В тот день на холмы снеговые
Камена русская взошла
И дивный голос свой впервые
Далеким сестрам подала.

С тех пор в разнообразье строгом,
Как оный славный «Водопад»²,
По четырем его порогам
Стихи российские кипят.

И чем сильней спадают с кручи,
Тем пенистой водоворот,
Тем сокровенный лад певучий
И выше светлых брызгов взлет —

В. Ф. Ходасевич

Тех брызгов, где, как сон, повисла,
Сияя счастьем высоты,
Играя переливом смысла, —
Живая радуга мечты.

Таинственна его природа,
В нем спит спондей, поет пэон,
Ему один закон — свобода,
В его свободе есть закон.

1938

Ю. ДОМБРОВСКИЙ

Державин

О, домовитая ласточка,
О, мило сизая птичка.
Грудь красно-бела, касаточка,
Летняя гостья, певичка.

.....
Восстану, — и в бездне эфира
Увижу ль тебя я, Пленира?

«Ласточка»

I

К чужим стихам взыскательно-брюзглив,
Он рвет листы — тоскующий задира —
Год пролетел, как умерла Пленира¹,
Свирель цела, но глух ее мотив;
«Ла-ла, ла-ла! Ты должен быть счастлив
Сияньем благ, невидимых для мира.
Обвита элегическая лира
Листами померанцев и олив.
Почто ж грустишь, великий муж?»
— Я жив,
Как тяжело с живыми мне, Пленира!

II

Скрипя безостановочно пером
И рассыпая голубую влагу,
Он пишет: «Жадные к вещественному благу,
Вы златом убираете свой дом».
(Перо порвало толстую бумагу,
И волосы сверкнули серебром,
Тем матовым сияньем неживого,

Что притупляет голову и взгляд.

В долине старости ни Муз и ни Няяд —
Амур грустит у камня гробового).
«Вы совесть променяли на венки,
На алчное ласкательство прелестниц» —
Встает. Не трость по переходам лестниц —
Стучится кровь в холодные виски.

«Таким рожден я — гордым и простым!»
Медлительная догорает осень,
Тихи закаты — золото и просинь
Плывут над парком — тоже золотым.
Свирель поет: «Будь спутником моим,
И молодость даров твоих запросит.
Кто мудр и тих — того прекрасна осень,
Тот любит дев и Музами храним».
Свирель сулит: «Будь спутником моим,
И женщина твою украсит осень».
Он ей: «Молчи! Есть камень на откосе,
Есть белый крест — моя любовь под ним!»

III

Река. Молчит алеющая гладь,
Все в красных, желтых, белых позументах.
Стоят рябины в гроздях, словно в лентах,
И клены собираются взлетать;
Растет поганка на трухлявой ножке,
Скрипит зеленый гравий на дорожке,
Осенним солнцем налиты кусты,
В глухих аллеях небо, как окошко,
В них иволга орет, как будто кошка,
И падают и падают листья.

Беседка Муз. На круглой крыше лира,
Она уж покосилась, и давно
Разбито разноцветное окно.
Внутри темно, не прибрано и сыро...
Он снял колпак и думает: «Пленира!
Здесь смерть взяла твое веретено».
А жизнь течет, бежит горох по грядке,
Кудрявясь, вьются кисточки плюща,
И кружатся, и носятся касатки,
Взлетая, упадая, трепеща.
О, птица милая! То в небе золотом,
То над тростинкой зябнущей и чуткой
Сверкают потемневшим серебром
И чернью отороченные грудки.
Заботницы! Вверх-вниз, туда-сюда
Несетесь вы в распахнутом паренье,
Где ж ваш приют, касаточки? Куда
Течете вы, как воздух и вода,
Храня зарю на сизом оперенье?
Как колокольчик, горлышко у вас,
Вся жизнь — полет, а отдых только час!
Так он стоит, прижав ладонь к виску,
Весь в переливах осени и света.
«Вот ласточки! — и смотрит на реку, —
Ты жизнь моя...?»
И долго ждет ответа.

1940

Н. БРАУН

Державин

Его стихи спрессованы, как пули.
В них слово к слову приросло.
И как их бури времени ни гнули,
Они стоят, всем молниям назло.

Не суждено им пропасти забвенья,
И вечности жерло их не пожрёт.
В живых сердцах поэзии горенье
Бессмертно так же, как народ.

Они стоят, как памятники, вечны,
Металла твёрже, выше пирамид.
Лишь звёздный путь широкой лентой млечной,
Дробясь о них, из века в век летит.

Лишь с белыми Борей власами
Их серебристым инеем одел.
Они идут к живым, живые сами, —
Так им идти создавший их велел.

И жить ему в «забавном русском слогe» —
Он, как могучих слов каменотёс:
Он указал в открытый мир дороги
И россиян язык на высоту вознёс.

1956

Д. САМОЙЛОВ

Старик Державин

Рукоположения в поэты
Мы не знали. И старик Державин
Нас не заметил, не благословил...
В эту пору мы держали
Оборону под деревней Лодвой.
На земле холодной и болотной
С пулеметом я лежал своим.

Это не для самооправданья:
Мы в тот день ходили на задание
И потом в блиндаж залезли спать.
А старик Державин, думая о смерти,
Ночь не спал и бормотал: «Вот черти!
Некому и лиру передать!»

А ему советовали: «Некому?
Лучше б передали лиру некоему
Малому способному. А эти,
Может, все убиты наповал!»
Но старик Державин воровато
Руки прятал в рукава халата,
Только лиру не передавал.

Он, старик, скучал, пасьянс раскладывал.
Что-то молча про себя загадывал.
(Все занятые — по его годам!)
По ночам бродил в своей мурмолочке,
Замерзал и бормотал: «Нет, сволочи!
Пусть пылится лучше. Не отдам!»

Д. Самойлов

Был старик Державин льстец и скаред,
И в чинах, но разумом велик.
Знал, что лиры запросто не дарят.
Вот какой Державин был старик!

1962

Г. ШПАЛИКОВ

Из цикла «Три посвящения Пушкину»

1

Люблю Державинские оды,
Сквозь трудный стих блеснёт строка,
Как дева юная легка,
Полна отваги и свободы.
Как блеск звезды, как дым костра,
Вошла ты в русский стих беспечно,
Шутя, играя и навечно,
О лёгкость, мудрости сестра.

1963

С. ДРОФЕНКО

Державин

Хочу Державина воспеть
за то, что со своею одой
он не торопится поспеть
за изменяющейся модой.

За то, что ночью в тишине,
в минуту внутренней тревоги
он нашептал однажды мне
слова о смерти и о боге.

На небосводе наших лет
строка Державина трепещет:
«Едва увидел я сей свет,
Уже зубами смерть скрежещет»¹.

О боге молвил он слова
среди завистливых и лгущих:
«Я — средоточие живущих,
Черта начальна божества»².

Временщиков в постелях будит
Державина могучий стих:
«Восстал всевышний бог, да судит
Земных богов во сонме их»³.

Писал он оды на соседство⁴,
влюблён в Плениру и пчелу⁵.
России громовое детство
прошло по дряхлому челу.

С. Дрофенко

И, в этих-то огнях летая,
о вас пел старец молодой:
«Шекснинска стерлядь золотая
И Мозель с Зельцерской водой!»⁶

Солдат Преображенской роты,
эпикурец, крепостник –
передо мной, шагнув сквозь годы,
сегодня снова он возник.

Не зря ведь Пушкин, ликом светел,
о том, кто был ворчлив и хил,
сказал: «Державин нас заметил
И, в гроб сходя, благословил...»⁷.

<1966>

В. А. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Державин в Петрозаводске

«Два льва крыльцо мне сторожат,
на тощих пуделей похожи.
У губернаторских палат
стоять заморышам негоже.
Прыжок на кость в один присест?
Грызня собачья из-за снеди?
Нет, для присутственных сих мест
пристойней были бы медведи!
Князьям олонецких чащоб,
столь отдаленных от столицы,
приличней было б, морща лоб,
блюсти закон императрицы.
Они сумеют шкуру снять,
сослать строптивца в колымаге,
прихлопнуть лапою печать
на государственной бумаге.
А мне ты долг иной назначь –
от губернаторства подале.
Уж лучше буду петь Кивач,
как я — бушующий в опале.
Не посрамлю и здесь пера,
подняв в веках витийства пламя:
«Алмазна сыплется гора
с высот четыремя скалами.
Жемчугу бездна и сребра!
ревет, гремит по скалам взрытым, —
зане зрю много в ней добра
порфиноносцам и пиитам!»

Май 1970

А. М. ГОРОДНИЦКИЙ

Дом на Фонтанке

Н. Ч. <Нине Чечулиной>

Листья в золоте и ржаве
Дразнят летние глаза.
На Фонтанке жил Державин
Двести лет тому назад.

Здесь ложились тени длинные,
Шли туманные ветра
От бровей его орлиных,
От гусяного пера.

Не звала чуму на дома
Од высокая хвала,
И поэта на приемы
Государыня звала.

Молодой державы гордость,
Отрывался он от книг,
Шеи старческой нетвердость
Прятал в твердый воротник.

Над высоким экипажем
Раздавался крик: «Пади!»
Зыбко пенились плюмажи
Над конями впереди.

Ветер с Ладоги колючий
Гонит в полночь острова.
Облака еще не тучи,
И Фонтанка — не Нева.

Но среди чужих изданий,
Не предвидящих конец,
Меж дворцов других и зданий
Всё стоит его дворец.

1971

В. Я. СМЕЛЯКОВ

Лавровый венок

Звучала средь снегов
пятнадцатого года
последняя, без слов
державинская ода.
Понятно, отчего
был Пушкин благонравен
в тот день, когда его
благословил Державин.

Всесветно одинок,
ослабый и мясистый,
свой лавровый венок
он отдал лицеисту.

При ропоте молвы
сошел венок России
с поникшей головы
на кудри молодые.

Из всех стараясь сил,
по лестницам Лицея
юнец его носил,
всерьез благоговей.

Он был ему под стать.
В нем сладостно дышалось,
но эта благодать
недолго продолжалась.

Всему приходит срок,
закату и рассвету,
и тесен стал венок
великому поэту.

Он был не так уж мал,
но с каждым новым годом
всё тягостней стеснял
души его свободу.

В один обычный день,
устав от постоянства,
он сдвинул набекрень
докучное убранство.

Шальная голова,
трибун ночных собраний
не стал из озорства
таскать его в кармане.

Венок судьбы чужой,
награду дорогую,
он снял своей рукой,
стыдясь и торжествуя.

В один и тот же миг,
единственным движеньем
и сам себя расстриг,
и принял постриженье.

И доставал на свет
в колеблемом тумане
венки ушедших лет,
печаль воспоминаний...

1972

Б. ОКУДЖАВА

Державин

Запах столетнего меда,
слова и золота вязь...
Оды державинской мода
снова в цене поднялась.
Сколько ценителей тонких,
сколько приподнятых крыл!..
Видишь, как зреет в потомках
имя твое, Гавриил?
Будто под светом вечерним
встало оно из земли...
Вот ведь и книжные черви
справиться с ним не смогли.
Стоит на миг оглянуться,
встретиться взором с тобой —
слышно: поэты клянутся
кровью твоей голубой.
Мнился уже обреченным
утлый огарок свечи...
Золото резче на черном.
Музыка звонче в ночи.
Гуще толпа у порога,
тверже под ними земля...
Нет, их не так уж и много.
Да ведь и всё от нуля.

1979

Б. АХМАДУЛИНА

Я встала в шесть часов. Виднелась тьма во тьме:
то темный день густел в редеющих темнотах.
Проснулась я в слезах с Державиным в уме,
в запутанных его и заспанных тенётах.
То ль это мысль была невидимых светил
и я поймала сон, ниспосланный кому-то?
То ль Пушкин нас сводил, то ль сам он так шутил,
то ль вспомнила о нём недалняя Калуга?
Любовь к нему и грусть влекли меня с холма.
Спешили петухи сообщничать иль спорить.
Вставала в небесах Державину хвала,
и целый день о нём мне предстояло помнить.

1983

В. М. ВАСИЛЕНКО

Державин

Богородица...

Какая тяжелая осень,
и часто головокруженье,
и ветер в окошко вносит
и листья, и синие тени.

Все минуло, стар он и болен,
укутанный в теплом халате;
что может быть тягостней доли —
о собственном думать закате!

Гусиные перья забыты,
неделя, а лист еще белый,
и стих не дается пииту,
душа от тоски оробела.

Ужели надломаны крылья,
и кем? Подошедшая старость
так сделала все без усилья,
особенно и не старалась.

А был он приближен к Фелице
и Пушкина первым приметил.
О, многим он может делиться,
он — пышного века свидетель.

1983

В. БРИТАНИШСКИЙ

Державин был солдат. Ругался по-солдатски,
перелагал в стихи солдатские прибаски,
где словом площадным — вот в том и интерес! —
сбивается вся спесь с торжественных словес.

Вот почему его высокие паренья
не превращаются в пустое говоренье:
высокопарности в нем был противовес,
поскольку на Парнас он из казармы взлез.

Архитектура и акустика державинской оды

Державин пишет: «...финн... и гунн...»¹.
Столкнул — аж звон идет от стыка:
финн-гунн! Как колокольный гул,
названий дивная музыка
ликуют, зыблется, гудет
в том сорокадвухстолпном храме
гигантской оды од. И свод
небесный, освещен звездами,
твердь голубую изогнул
и Запад побратал с Востоком.

...И неумолчное «финн-гунн!»
в пространстве гулком и высоким.

Дым отечества

Пространство сузилось. Не карту всей державы
Державин в мыслях зрит, но камские дубравы
и свежую листву, что на ветвях дубов
сияет, и Казань, и — с волжских берегов
чуть видный вдалеке — домой летящий парус...²

Полвека за спиной. И хоть еще не старость,
но прежде Ахиллес, а ныне уж Улисс —
герой Державина. Вот огибает мыс...
Еще один... Еще... Река при камском устье —
как море широка. И столько сладкой грусти —
ноздрями ощутить деревню, детство, дым.
И думать, будто жизнь — не позади: пред ним.

Старик Державин

В искусстве — стиль ампир. На троне — Александр.
И лишь в поэзии — «Персей и Андромеда»³.

Век — новый. Царь — молодой. И лишь Державин — стар.
Он стар — как древний грек, грек, живший до Гомера.
Как Змей Горыныч — стар. Как тот Пифон-Тифон,
что в Дельфах богом был еще до Аполлона,
что из расселины, как из земного лона,
сын Матери-Земли, таинственно рожден.

Век — девятнадцатый. Державин — архаизм.
Барокко. Готика, Старье. Средневековье.
Но вечность — это шар. Условны верх и низ.
Условны старь и новь. А эта мощь воловь

и ярость львиная — вне всякой смены мод,
вне стилей, школ, манер. Ядро. Первооснова.

...Пиши! Не все ль равно, какой там царь и год.
Ты до потопа жил. До рождества Христова.

<1985>

В. Корнилов

Колокола Державина

Колокола Державина,
Звонче вас, громче нет!
Бьёте неподражаемо
Вот уж две сотни лет.

Не серебро, не золото —
Просто глагола медь,
Но ещё долго молодо
Вам после всех греметь.

Яростна ваша жалоба,
Радость, хвала, хула,
Колокола Державина,
Страсти колокола!

Дыбой, кнутом и ядрами
Волю прогнали прочь,
Но отчего-то ямбами
Заговорила ночь,

Может, всего не ведая,
Может, и о другом,
Но целых два столетия
Не умолкает гром.

1988

А. С. КУШНЕР

Поднимаясь вверх по теченью реки времен,
Ты увидишь Державина, как бы ни славил он
В своей оде предсмертной¹ прожорливое теченье,
Ужасаясь ему, обрывая стихотворенье
И готовясь руиной стать, вроде террас, колонн.
Ты увидишь, как царства, короны плывут, венки,
Огибая воронки, цепляясь за топляки,
Ты увидишь цевницы, свирели, увидишь лиры
И щиты, на которых, спасаясь, сидят зверьки:
Зайцы, мыши-полевки, увидишь клочки порфиры.
Твердо, вверх по теченью, стремясь за земную грань,
Как Семенов Тянь-Шанский, взбиравшийся на Тянь-Шань,
Ты увидишь хоть Сарданапала, кого захочешь,
И кого не захочешь; души своей не порань,
Оцарапаешь руки, и ноги в ручье промочишь.
Ты запишешь смешки и ругательства солдатни,
Как своих полководцев чествят почем зря они,
Ты подслушаешь чью-то молитву в священной роще.
А Гавриле Романовичу под шумок шепни,
Что мы любим его, из судьбы извлекая общей.

<2002>

Комментарии

Стихотворения XVIII–XIX веков публикуются по нормам современной орфографии и пунктуации с сохранением ряда особенностей языка того времени. Сохраняется авторское употребление прописных букв и буквы ё. Примечания авторов стихотворений печатаются в кавычках.

Список условных сокращений названий книг

Соч. Державина (с указанием тома)	Сочинения Г. Р. Державина с объяснительными примечаниями Я. К. Грота: в 9 т. СПб.: Имп. Акад. наук, 1864–1883.
Капнист В. В. Избранные произведения	Капнист В. В. Избранные произведения / вступ. статья Г. В. Ермаковой-Битнер. Подготовка текста и примеч. Г. В. Ермаковой-Битнер и Д. С. Бабкина. Л.: Сов. писатель. Ленингр. отд-ние, 1973.
Поэты 1890–1810-х годов	Поэты 1790–1810-х гг. / вступ. статья и сост. Ю. М. Лотмана / подготовка текста М. Г. Альтшуллера. Вступ. заметки и биографич. справки и примеч. М. Г. Альтшуллера и Ю. М. Лотмана. Л.: Сов. писатель. Ленингр. отд-ние, 1971.
Поэты 1820–1830-х годов (с указанием тома)	Поэты 1820–1830-х годов / Вступ. статья и общ. ред. Л. Я. Гинзбург. Биографич. справки, Сост., подготовка текста и примеч. В. Э. Вацуро: в 2 т. Л.: Сов. писатель. Ленингр. отд-ние, 1972.

В. М. Жуков

Сонет. К сочинителю оды к Киргиз-Кайсацкой царевне Фелице

Впервые: Собеседник любителей российского слова. 1783. Ч. 3. С. 46. Печатается по этой публикации.

Жуков Василий Михайлович (1764–1799) — поэт, дипломат. Опубликовал 11 стихотворений, философских, лирических и сатирических, в журналах «Приятное и полезное препровождение времени» (1797. Ч. 14), «Иппокрена» (1799. Ч. 4–5). Был в дружеских отношениях с И. М. Долгоруковым, который посвятил его памяти стихотворение «На смерть В. М. Жукова» (Долгоруков И. М. Бытие сердца моего. М., 1802. С. 28–29).

¹ *К сочинителю оды к Киргиз-Кайсацкой Царевне Фелице* — Автором «Оды к премудрой киргиз-кайсацкой царевне Фелице» (1782), опубликованной в «Собеседнике любителей российского слова» (1783. Ч. 1. С. 5–14), был Г. Р. Державин.

² *Фелицын...* — Фелица имя героини «Сказки о царевиче Хлоре» (1781), сочиненной Екатериной II.

М. В. Сушкова

Письмо китайца к Татарскому Мурзе, живущему по делам своим в Петербурге

(фрагмент)

Впервые: Собеседник любителей российского слова. 1783. Ч. 5. С. 5–8. Печатается по этой публикации.

Сушкова Мария Васильевна (1752–1803) — поэтесса и переводчица, сестра сослуживца и друга Г. Р. Державина А. В. Храповицкого. Стихотворений Сушковой сохранилось немного. Объемны и разнообразны выполненные ею переводы с французского. Это идиллии А. Дезульер, «Ночные мысли» Юнга (вторая «ночь»), роман Ф. Мармонтеля «Инки, или Разрушение Перуанской империи», несколько оперных либретто и пьес. На французский язык Сушкова перевела поэму М. М. Хераскова «Чесмесский бой» и предпосланное ей «Рассуждение о российском стихотворстве».

«История» происхождения стихотворения изложена в предпосланном ему «Письме к издателям»: «Приехав недавно к Сибирскому купцу для покупки привезенных из Китая товаров, я увидела у него пакет к *Татарскому Мурзе, живущему по делам своим в е.* Толь чудная надпись Меня удивила. Я спросила, что сие значит, а Сибиряк отвечал, что сия бумага послана с ним от одного Китайца, имеющего переписку со многими Европейскими жителями: но как ему неизвестно настоящее имя Мурзы, то, не зная кому ее вручить, думает отослать обратно в Пекин. Признаюсь любопытство мое еще умножилось, услыша, что сие письмо шло так издалека, и в нерешимости узнать содержащееся в нем, я просила купца верить мне оное и обещала доставить в надлежащие руки. Он на желание мое склонился; а я, распечатав пакет, усмотрела, что оный принадлежит тому из Ваших Членов, коего ода напечатана в первой части Собеседника. И так посылаю к Вам сие Китайское творение».

Е. И. КОСТРОВ

Письмо к творцу оды, сочиненной в похвалу Фелицы

Впервые: Собеседник любителей российского слова. 1783. Ч. 10. С. 25. С подписью: Ер. Кост. Печатается по книге: Поэты XVIII века / вступ. статья Г. П. Макогоненко ; биографич. справки И. З. Сермана ; сост. Г. П. Макогоненко и И. З. Сермана ; подгот. текста и примеч. Н. Д. Кочетковой: в 2 т. Л.: Сов. писатель. Ленингр. отд-ние, 1972. Т. 2. С. 151–153.

Костров Ермил Иванович (1755–1796) — поэт, переводчик. Учился в Славяно-греко-латинской академии и Московском университете, при котором был оставлен штатным стихотворцем. Писал оды по разным торжественным поводам. Самыми известными переводами Кострова стали «Илиада» Гомера (Песни 1–6 опубл. отд. изд. в 1787; песни 7, 8, нач. 9 в №№ 14–15 «Вестника Европы» за 1811 г.) и «Оссиан, сын Фингалов, бард третьего века» (1792).

¹ «Ода к премудрой киргиз-кайсацкой царевне Фелице» (1782) принесла Державину славу и вызвала несколько стихотворных откликов, одним из которых стало стихотворение Кострова.

² *Как прежде, ты пиши еще письмо к соседу...* — Имеется в виду ода Державина «К первому соседу» (1780).

³ *Как некогда воспел ты Гребеневский ключ...* — Имеется в виду ода «Ключ» (1779), в которой Державин воспел ключ в подмосковном имении М. М. Хераскова Гребенево.

⁴ *Предстательница муз, трудов их судия...* — Е. Р. Дашкова, президент Российской академии (с 1783).

⁵ *Старайся вознестъ природный наш язык...* — При участии Дашковой велась работа над «Словарем Академии Российской» (1789–1794).

⁶ *И в «Собеседнике»...* — Журнал «Собеседник любителей русского слова» (1783–1784).

⁷ *И в радость, и в восторг читателей привел...* — «Собеседник» открывался одой Державина «Фелице».

Ф. П. ЛЬВОВ

Доброму человеку

Впервые: Московский журнал. 1792. Ч. VIII. С. 202. С пометой: Из Петербурга и подписью N. N. Печатается по книге: Русская литература. Век XVIII. Лирика / Отв. ред. Н. Д. Кочеткова. М.: Худож. лит., 1990. С. 530–532.

Львов Федор Петрович (1766–1836) — поэт, прозаик, музыковед, чиновник. Двоюродный брат Н. А. Львова, вторым браком был женат на его дочери Е. Н. Львовой. В 1790-е годы публиковался в «Московском журнале», «Иппокрене», «Новостях». Член «Беседы любителей русского слова», печатался в ее «Чтениях». Итоговым собранием его сочинений стал сборник «Часы свободы в молодости» (Ч. 1–2. СПб., 1831).

Стихотворение Львова написано в тот период, когда Державин был статс-секретарем императрицы Екатерины II.

¹ Парафразированы стихи оды Державина «Вельможа».

И. И. ДМИТРИЕВ

К <портрету> Державина

Впервые: в качестве подписи на гравированном в 1793 году Ф. Дюрфельдом по рис. Ф. де Мейса портрете Г. Р. Державина. Также: *Дмитриев И.* Сочинения и переводы: в 3 ч. М., 1803. Ч. 2. С. 117. Печатается по книге: *Дмитриев И. И.* Полное собрание стихотворений / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. Г. П. Макогоненко. Л.: Сов. писатель. Ленингр. отд-ние, 1967. С. 135.

Дмитриев Иван Иванович (1760–1837) — поэт, министр юстиции (1810–1814). Один из главных создателей сентиментального направления в русской

литературе, близкий друг Н. М. Карамзина. Печатался в «Московском журнале», «Аглае», «Аонидах». В 1795 году издал сборник «И мои безделки». Главным жанром в поэзии Дмитриева была басня. Его «Сочинения и переводы» (Ч. 1–3. М., 1803–1805) несколько раз переиздавались. С Державиным был знаком и дружески общался с 1790 года, о чем рассказал в своих мемуарах «Взгляд на мою жизнь» (СПб., 1866).

Н. С. Смирнов

К мурзе

Впервые: Приятное и полезное препровождение времени. 1795. Ч. 7. С. 241. Подпись: Даурец Номохон. (Даурец от названия местности: Даурия; Номохон в перев. с монгольского смиренный). Печатается по книге: Поэты 1790–1810-х годов. С. 199–200.

Смирнов Николай Семенович (1767/68–1800) — поэт, прозаик, переводчик, печатался в журналах «Иртыш, впадающий в Иппокрену», «Приятное и полезное препровождение времени». Сын крепостного (управляющего именьями князей Голицыных), он в результате неудачной попытки бежать в Европу оказался в ссылке в Сибири. События собственной судьбы отразились в его творчестве, близком мотивами меланхолии, несправедных страданий поэтике предромантизма.

¹ *Забызга* — «Дудка из камышины. Киргизы играют на ней, жалобно припевая».

² *Кумыз* — «Квашеное кобылье молоко: здоровое, прохладительное, но несколько пьяное питье. Киргизы до безмерности его любят и во все лето почти им одним и питаются». (Совр.: кумыс).

³ *Бишбармак* — «Мелко изрубленное и весьма уваренное без костей баранье мясо».

В. В. Капнист

Певцу Фелицы. Кн. I, Ода XXVI

Впервые: *Капнист В.* Лирические сочинения. СПб., 1806. С. 200–201. Печатается по книге: *Капнист В. В.* Избранные произведения. С. 145–146.

Стихотворение «Певцу Фелицы» было написано в ответ на послание Державина «Капнисту» и отправлено поэту в письме от 13 августа 1797 года.

¹ *Пусть галл Европой потрясает...* — Имеется в виду Наполеон, который после удачного Итальянского похода и выгодного мирного договора с Австрией, вернувшись в Париж, совершил переворот и стал диктатором.

² *Британец всех на море бьет...* — Британский флот в конце XVIII века был самым мощным.

³ *От рая Пий ключи теряет...* — Папа Пий VI (1775–1799), который по традиции считался наместником апостола Петра и хранителем ключей от рая, уступил французам Болонью и Феррару. Папская область была объявлена республикой, а сам Пий VI умер в крепости во Франции.

⁴ *Любящая Кастальский ток...* — В греческой мифологии Кастальский ключ источник на горе Парнас, символ поэзии и поэтического вдохновения.

В. А. ОЗЕРОВ

Ода Гавриилу Романовичу Державину на получение им ордена св. Анны первого класса в 1798 году

Впервые: Сын Отечества. 1817. Ч. 1. С. 122. Печатается по книге: *Озеров В. А. Трагедии. Стихотворения / Вступ. статья, подготовка текста и примеч. И. Н. Медведевой. Л.: Сов. писатель. Ленингр. отд-ние, 1960. С. 382–383.*

Озеров Владислав Александрович (1769–1816) — драматург, поэт, чиновник (действительный статский советник) Лесного департамента Министерства финансов. Славу Озерову принесли его трагедии «Ярополк и Олег» (1798), «Эдип в Афинах» (1804, напечатана с посвящением Державину), «Фингал» (1805), «Поликсена» (1809) и, в особенности, «Димитрий Донской» (1807), в которых классическая форма сочеталась с сентиментальным мироощущением. Драматургия Озерова вызвала неоднозначную оценку у современных ему литераторов. Не относился к числу ее восторженных поклонников и Державин, видевший в «Димитрии Донском» отсутствие «порядочного плана» и исторической достоверности характеров великих князей. Не без некоторой иронии написано и его стихотворение «Г. Озерову на приписание Эдипа» (1806).

Н. А. ЛЬВОВ

Державину

Впервые: *Львов Н. А. Избранные сочинения / Предисл. Д. С. Лихачева; Вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент. К. Ю. Лаппо-Данилевского. Кёльн; Вей-*

мар; Вена, СПб.: Бёлау-Ферлаг; СПб.: Пушкинский Дом; Рус. христиан. гум. ин-т; Изд-во «Акрополь», 1994. С. 64–65. Печатается по этому изданию.

Львов Николай Александрович (1753–1803) — архитектор, график, историк, ботаник и садовод, геолог, поэт, драматург, переводчик, музыкант. Современники называли его «гений вкуса». Создатель львовско-державинского литературного кружка, оказал существенное влияние на становление Державина как поэта.

Стихотворение «Державину», вероятно, написано позднее его «Первой песни Пиндара пифической» (1800) и относится, скорее всего, к награждению Державина 14 июля 1800 года орденом св. Иоанна Иерусалимского, золотой командорский крест которого был с алмазами и короной (ср.: «Он душу Пиндара вмещает / В российскую алмазную грудь»). Львов составил «Историю Мальтийского ордена». В то же время нельзя исключить возможность создания стихотворения в связи с назначением поэта 8 сентября 1802 года министром юстиции.

А. М. БАКУНИН

Г. Р. Державину

Впервые: Литературный архив: Материалы по истории литературы и общественной мысли / Российская академия наук / Институт русской литературы (Пушкинский Дом); отв. ред. К. Н. Григорьян. СПб.: Наука, 1994. С. 103–104. (В статье «Из литературного наследия А. М. Бакунина / Публикация К. Ю. Лаппо-Данилевского»). Печатается по этому изданию.

Бакунин Александр Михайлович (1768–1854) — поэт, переводчик, предводитель дворянства Тверской губернии (1806–1808), владелец с. Прямухино. Дворянский брат Д. А. Державиной и родственник Н. А. Львова. Был связан родственными и дружескими отношениями со львовско-державинским литературным кружком. Писал главным образом «домашние» стихи, в 1810–1830-е годы работал над поэмами «Торжок» и «Осуга» (название притока р. Тверцы). Переводил с итальянского поэму «Освобожденный Иерусалим» Торквато Тассо и оперные либретто Метастазии (не сохранились), о чем известно из его переписки 1800–1804 годов с Г. Р. Державиным (Соч. Державина. Т. VI. С. 873; IX. С. 322–325).

Стихотворение «Г. Р. Державину» написано в связи с отставкой Державина с поста министра юстиции (7 октября 1803 года). О других вариантах этого стихотворения см.: Литературный архив: Материалы по истории литературы и общественной мысли. С. 116 (коммент. К. Ю. Лаппо-Данилевского).

¹ *Силой Вышнего держим*. Девиз герба Державина: «Силою вышнею держуся».

Д. И. ХВОСТОВ

Гавриле Романовичу Державину

Впервые: Друг просвещения. 1805. Ч. 4. № 10 (октябрь). С. 5–9. С заглавием: «Ода Г. Р. Д. 1804 года». В последующих публикациях: «Гавриле Романовичу Державину», с датой: 1805 года. Печатается по книге: Поэты 1790–1810-х годов. С. 437–440.

Хвостов Дмитрий Иванович (1757–1835) — поэт, переводчик, сенатор, действительный тайный советник, член Российской академии (с 1791), Императорской Академии наук (с 1817). Родственник А. В. Суворова (был женат на племяннице полководца А. И. Горчаковой), деятельно выполнял его разнообразные поручения. Автор огромного количества стихотворений, отличавшихся архаичностью стиля и языка. Издал четыре полных собрания своих сочинений. Служил мишенью насмешек за «графоманство». Несмотря на это, творчество Хвостова не лишено интереса во многих отношениях. Был одним из издателей журнала «Друг просвещения» (1804–1805), где опубликовал стихотворение «К Барду» («Пускай, Кубра, мой глас стремится...»). 1804. Ч. 3 № 7 (июль). С. 11–12), написанное в связи с отставкой поэта с должности министра юстиции, и ответное послание Державина «Волхов Кубре» (Друг просвещения. 1804. Ч. 3. № 9 (сентябрь). С. 192–193). Действительный член второго разряда (возглавлялся Державиным) «Беседы любителей русского слова».

В письме к И. И. Дмитриеву от 21 ноября 1805 года Г. Р. Державин по поводу публикуемого стихотворения Д. И. Хвостова писал: «Относительно стихов Дмитрия Ивановича и прочих господ, которыми они спешат наводнять их журналы, ничего другого сказать не могу, как предал их воле Божией; ибо публика равнодушно их терпит. Что делать, и как их уверишь в противном их самолюбию? Однако же Дмитрию Ивановичу, при благодарности моей за похвалу его мне, напечатанную в минувшем месяце в Друге Просвещения, попытаюсь сказать правду. Не знаю, сделает ли запор сия позволенная крепительная пилюля» (Сочинения Державина. Т. VI. С. 172–173).

¹ «Стихотворение «Гавриле Романовичу Державину» напечатано было вскоре по увольнении его от звания министра юстиции. Он был министр и певец; название же героя не собственно к нему относится. Автор понимает, что каждый превосходный герой, министр, певец суть в мире такие планеты, коим заката нет, как то доказали Фемистокл, Перикл, Гомер и другие».

² *Певец! ты лепоту и стройность видел мира...* — «Сей стих, равно и весь куплет, относятся к царствованию Екатерины II и нахождению Гавриила Романовича в звании статс-секретаря при особе сей великой государыни.

Мне случилось видеть 1803 года в Новгороде, еще при жизни Державина, рукопись называемую: «Ключ к его стихотворениям», который ныне в разных изданиях печатается. В оном написано было об авторе сего стихотворения: «Стихотворец сей не имеет дарования». Покоряясь такому заключению знаменитого поэта нашего времени и приятеля своего, автор осмеливается печатать как сие, так и прочие свои стихотворения».

³ «Под игом уз земной нередко страждет шар. Сие стихотворение написано во время ужасов мнимой Французской республики».

⁴ «Ты был внутри чертога, Ты видел ангела и бога. Смотри стихи Державина под названием: Бог, Фелица и Хлор-Царевич».

А. Ф. ВОЕЙКОВ

Сатира к С<перанскому>
об истинном благородстве

(фрагмент)

Впервые: Вестник Европы. 1806. Ч. 29. № 19 (октябрь). С. 195–201. Печатается по книге: Поэты 1790–1810-х годов. С. 261–264.

Воейков Александр Федорович (1778/1779–1839) — поэт, переводчик, критик, издатель, журналист. В годы учебы в Московском университетском благородном пансионе (1791–1795) коротко познакомился с А. И. Тургеневым и В. А. Жуковским, благодаря хлопотам которых впоследствии был ординарным профессором Дерптского университета (1814–1820), инспектором классов и преподавателем русской словесности в Артиллерийском училище в (1820–1825). Член литературного общества «Арзамас». Вел отдел критики в журнале «Сын отечества» (сер. 1820 — нач. 1822), редактировал газету «Русский инвалид» (1822–1838) и приложения к ней, журнал «Славянин» (1827–1830). Имел репутацию литературного «корсара», радикально мыслящего, но неразборчивого в средствах полемики. Главным произведением Воейкова стала сатира «Дом сумасшедших» (1814–1838), направленная против представителей официальных литературно-общественных кругов.

Известный государственный деятель М. М. Сперанский (1772–1839), которому адресована «Сатира», в год ее написания (1806) ездил на доклады к императору Александру I вместо заболевшего министра внутренних дел В. П. Кочубея.

А. А. Палицын

Послание к Привете, или Воспоминание о некоторых русских писателях моего времени

(фрагмент)

Впервые: [Палицын А. А.] Послание к Привете, или Воспоминание о некоторых русских писателях моего времени. Харьков: в Унив. тип., 1807. Печатается по книге: Поэты 1790–1810-х годов. С. 748.

Палицын Александр Александрович (1741–1816) — поэт, переводчик, архитектор, почетный член Харьковского университета (с 1810) и действительный член Харьковского общества наук (с 1814). Выйдя в отставку в чине майора (1770-е), поселился в своем имении Поповка Сумского уезда Харьковской губернии, ставшем своеобразным культурным центром, участники которого (В. Н. Каразин, Е. И. Станевич, Н. Ф. Алферов и др.) называли его «Поповская академия». В 1770-е перевел «Новую Элоизу» Руссо (полн. перевод издан в 1820–1821), несколько описательных, дидактических поэм: «Независимость писателя» Ш. Мильвуа, «Сады» Ж. Делиля (1814), «Времена года» Ж. Ф. де Сен-Ламбера, переложил стихами «Слово о полку Игореве» (1807). Самым известным сочинением Палицына стало «Послание к Привете» (1807) своеобразный «словарь» русских литераторов, в котором автор осуждает галломанию.

«Послание к Привете» адресовано крестной дочери Палицына Ек. Ф. Алферовой, поэтессе и художнице.

¹ *Промчался глас его и на псельских брегах.* — На берегу реки Псёл находилось имение Капнистов Обуховка.

А. П. БУНИНА

Сумерки

Впервые: Драматический вестник. 1808. Ч. 1. № 20. С. 163–168. С подписью: –а–а. Перепечатано в кн. А. П. Буниной «Неопытная муза» (СПб., 1809). Печатается по книге: Поэты 1790–1810-х годов. С. 451–453.

Булнина Анна Петровна (1774–1829) — поэтесса, переводчица. Рано осиротев, воспитывалась у родственников в Рязанской губернии. В 1802 году переехала в е, где изучала языки и российскую словесность. Ранние стихотворения публиковала в журналах «Московский курьер», «Любитель словесности»,

«Московский зритель». Сборник «Неопытная муза» (Ч. 1. СПб., 1809; Ч. 2. СПб., 1812) обратил на Бунину общее внимание. Ее поддержали Г. Р. Державин, И. И. Дмитриев, особое покровительство оказывал А. С. Шишков. С 1811 года почетный член «Беседы любителей русского слова», публиковалась в ее «Чтениях»: «Послание к Леону» (Чт. 3. 1811), «Падение Фаэтона. Баснословная повесть» (Чт. 4. 1811), идиллия «Счастливый Меналк» (Чт. 19. 1815). Писала в разных жанрах: камерная лирика, философские медитации и гимны в честь героев. Некоторая архаичность языка и стиля одних произведений Буниной содействовала с лиризмом и простотой слога других. Тяжело заболев, в 1815–1817 годах лечилась в Англии. С 1823 года жила у родных в с. Денисовка, где, страдая от болезни, переводила «Нравственные и философские беседы» шотландского проповедника Х. Блэра.

¹ *Коснулся и воспел причину мира.* — Речь идет об оде «Бог» (1784).

² *Согнулось злобное коварство...* — Имеется в виду ода «На коварство французского возмущения и в честь князя Пожарского» (1789–1790).

³ *Молчит неверие безбожника в устах...* — Имеются в виду оды «Успокоенное неверие» (1779) и «На безбожников» (1804).

⁴ *Он пел великую из смертных на престоле...* — Императрицу Екатерину II.

⁵ *И сельские послушались напевы...* — Имеются в виду анакреонтические оды Державина.

⁶ *... но ах! сокрылося виденье...* — Похожий портрет «пришелицы» создан Державиным в оде «Явление» (1810).

Н. В. СЕМИВСКИЙ

Воззвание к Бессмертному и Неподражаемому Певцу нашего времени

Впервые: Русский вестник. 1812. Ч. 19. № 9. С. 34–54. Печатается по этой публикации. Вероятно, написано во время службы Н. В. Семивского в Иркутске.

Семивский Николай Васильевич (ок. 1770 – после 1817) — чиновник, вице-губернатор Иркутска (1806–1809), поэт. Автор книги «Новейшие, любопытные и достоверные повествования о Восточной Сибири, из чего многое доныне не было всем известно» (СПб., 1817). В нее вошло стихотворение «Воззвание к Бессмертному Певцу Бога и Фелицы», присланное в апреле 1812 года в «Беседу любителей русского слова», но не читанное на ее заседаниях. В нем автор выражает мечту о появлении Державина на берегах Ангары в Иркутске

с целью воспеть сибирскую природу и (в иносказательной форме) навести порядок в жизни местного края, страдавшего от самоуправства губернатора Н. И. Трескина и наместника И. Б. Пестеля.

¹ *Я некогда был Твой, с Тобою говорил...* — В 1800–1801 годах Семивский служил под началом Державина.

² *Тебя не взвидел я...* — Автор был назначен вице-губернатором в Иркутск и поэтому не мог больше встречаться с Державиным.

³ *Разводная* — Селение на берегу Ангары.

А. А. Палицын

Гавриилу Романовичу Державину

Впервые: Вестник Европы. 1809. Ч. XLVII. № 19. Октябрь. С. 196–202. С пометой: «Июня 25 дня 1809 года. Поповка». Печатается по этой публикации.

Стихотворение написано в благодарность за присланные Державиным «Сочинения» (Ч. 1–4. СПб., 1808).

¹ *Мне памятны твои, в Вельможе, наставленья.* — То есть в оде «Вельможа» (1794).

² *На Щастие ли кинут взгляд?* — Речь идет об оде «На счастье» (1789).

³ *К Развалинам ли взор унылым обратят?* — Речь идет об оде «Развалины» (1797).

⁴ *С крутых утесов их алмазный Водопад?* — Отсылка к оде «Водопад» (1791–1794).

⁵ *Красы ли Русския их Пляскою прельстят?* — Отсылка к оде «Русские девушки» (1799).

⁶ *Свист громкой Соловья весной?* — Отсылка к оде «Соловей» (1795).

⁷ *Чей будет Истукан?* — Отсылка к оде «Мой истукан» (1794).

⁸ *Пиры ли удивят роскошного Соседа?..* — Отсылка к оде «К первому соседу» (1780).

⁹ *Почто не в Званке я пою...* — «Другая Званка, ниже по Волхову. Она теперь во владении гг. Посевьевых». Детство Палицына прошло в этом имении.

¹⁰ *И русской мой Делиль и Сент-Ламбер тогда...* — «Переводы в стихах Поэм: Делилевой Сады и Сен-Ламбертовой Времена года».

¹¹ *И стражу дружеской и собственной могилы...* — «Здесь разумеется желание лечь в одной могиле с умершим другом. Мысль соединиться с тем и по смерти, кто составлял сладость жизни, имеет нечто утешительное для осиротевшего в старости дружеского сердца».

В-в

«Но я ль безвестной лирой смею...»

Впервые: Цветник. 1809. № 12. С. 334. Печатается по этой публикации.

Возможно, автором стихотворения был А. Х. Востоков, публиковавшийся в «Цветнике».

А. Ф. ВОЕЙКОВ

К. Н. В. С.

(фрагмент)

Впервые: Вестник Европы. 1811. Ч. LV. № 3 (февраль). С. 182–186. Печатается по этой публикации.

Стихотворение написано в период Русско-турецкой войны 1806–1812 годов, в нем идет речь о победах русской армии осенью 1810 года.

Е. И. ЛАНСКАЯ

«В лучезарной колеснице...»

Впервые: Соч. Державина. Т. III. С. 516–517. Печатается по этой публикации.

Ланская Елизавета Ивановна (Луиза Элизабет Констанса, урожд. Вилламова) (1764–1847) — писательница, наставница вел. кн. Александры Павловны. Дочь поэта И.-Г. Вилламова, сестра статс-секретаря императрицы Марии Федоровны Г. Вилламова. Автор стихотворного послания Державину «В лучезарной колеснице...» (Соч. Державина. Т. III. С. 516–517), на которое поэт ответил стихотворением «В колеснице лучезарной...», ей же адресовал надпись «Отец твой Вакха воспевая...» (Там же.).

Стихотворение «В лучезарной колеснице...» было отправлено Ланской Державину в письме от 16 октября 1811 года (Соч. Державина. Т. VI. С. 226) в благодарность за «снисходительность, милостивое внимание» к ней.

К. Н. БАТЮШКОВ

Мои Пенаты

Послание к Ж<уковскому> и В<яземскому>
(фрагмент)

Впервые: Пантеон русской поэзии. Ч. 1. СПб., 1814. С. 55–69. (С названием «Пенаты»). Печатается по книге: *Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе* / Изд. подготовила И. М. Семенко. М.: Наука, 1977. С. 260–269. Дата создания: 1811 — первая половина 1812 года.

¹ *Наш Пиндар, наш Гораций* — эта характеристика восходит к посвящению Державину В. А. Озеровым трагедии «Эдип в Афинах»: «Я приношу «Эдипа» стихотворческому гению, единственному сопернику бессмертного Ломоносова, но который с парением Пиндара согласил философию Горация, Вам, любимцу муз, коего смелое и животворное перо представило природу в красотах и в ужасе ее <...> вам, коего стихотворство величественно, как стройность вселенной, чисто, ясно и отрадно, как Гребеневский ключ, шумно, быстро и чудесно, как водопад Суны» (Озеров В. А. Трагедии. Стихотворения / Вступ. статья, подготовка текста и примеч. И. Н. Медведевой. Л.: Сов. писатель. Ленингр. отд-ние, 1960. С. 129).

² *Как Суна средь степей* — река Суна с водопадом Кивач, воспетым Державиным в оде «Водопад», протекает в Карелии.

Т. БЕЛЯЕВ

Песнь курайча Рифейских гор

(фрагмент)

Впервые: Чтения в Беседе любителей русского слова. Кн. 13. СПб., 1813. С. 97–104. С пометой: «Прислано с Урала» и «Примечаниями» (С. 105–106). Печатается по книге: *Русские поэты 1790–1810-х годов*. С. 500–501.

Беляев Тимофей Савельевич (1768 — после 1816) — поэт, крепостной; воспитатель сына уфимского губернского прокурора Н. И. Тимашева (давнего знакомого Г. Р. Державина). В 1812 году в Казани была издана книга Беляева «Куз-Курпач, башкирская повесть. Писанная на башкирском языке одним курай-

чем и переведенная на русский в долинах гор Рифейских», которую Тимашев отправил Державину из Оренбурга с сопроводительным письмом от 11 декабря 1812 года (Соч. Державина. Т. 6. С. 249–252). В 13-й книге «Чтений в Беседе любителей русского слова» было напечатано стихотворение Беляева «Песнь курайча гор Рифейских» об участии башкирских батыров в победах над Наполеоном. В стихотворении есть строфы, посвященные Державину.

¹ ...*тимпаницы* — Музы.

А. НЕСТЕРОВ

Певцу Фелицы

Впервые: Вестник Европы. 1814. Апрель. № 8. С. 279–281. Также в статье А. Нестерова «Первое и последнее свидание с Державиным» (Москвитянин. 1843. № 12. С. 424). Печатается по первому изданию.

Нестеров Аполлон Иванович (?) — поэт-сентименталист, печатался в «Аглае» П. И. Шаликова. Вероятно, ему же принадлежат путевые очерки «Париж, 26 августа 1815 года» и «Отрывок из замечаний во время проезда через Германию и Францию в 1815 году: [Описание памятника М. И. Кутузову в Бунцлау]», опубликованные в «Вестнике Европы» (1816. Ч. 86. № 7. С. 226–231; 1817. Ч. 92. № 8. С. 303–305). Державин в письме от 6 мая 1812 года с похвалой отозвался о его стихотворении «На постановление статуи Екатерины Великой в зале Московского дворянского собрания» («Я видел истукан священный...») (Соч. Державина. Т. VI. С. 229–230). В «Вестнике Европы» опубликовал стихотворение «Певцу Фелицы (После первого моего с ним свидания в Москве июня 25 1813)» и басню «Сабля и Шпага» (1814. Ч. 77. № 20. С. 280). Воспоминание о встрече с Державиным было напечатано в журнале «Москвитянин» (1843. № 10. С. 421–424). На смерть поэта Нестеров откликнулся стихотворением «При гробе Державина».

Стихотворение написано под впечатлением от встречи с Державиным летом 1813 года в Москве.

Б. М. ФЕДОРОВ

К музам

(фрагмент)

Дух журналов. 1816. Ч. 9. Кн. 1 (5 января). С. 3–5. Печатается по этой публикации.

Федоров Борис Михайлович (1794/1798–1875) — поэт, драматург, издатель альманахов, детский писатель. Пользовался покровительством Г. Р. Держави-

на, Д. И. Хвостова, А. И. Тургенева. Издавал альманахи «Кабинет Аспазии» (1815), «Памятник отечественных муз на 1827 и на 1828 годы», журнал «Новая детская библиотека» (1827–1829, 1831), был сотрудником «Северной Пчелы», в 1838–1842 годах публиковал критические статьи в «Журнале Министерства Народного Просвещения». Автор множества пьес и нескольких книг: «Минуты смеха, или Собрание некоторых забавных стихотворений» (1814) «Опыты в поэзии» (1818), «Вечерние рассказы. Собрание повестей и преданий в стихах» (1829), «Эзоповы басни в стихах» (1829), «Гитара и свирель, или Собрание песен и романсов» (1829), «Детские стихотворения» (1829). Современники скептически относились к творчеству Федорова.

Г. Н. Городчанинов

Надпись к портрету Гавриила Романовича Державина

Впервые: Сочинения в стихах и прозе Григорья Городчанинова, надворного советника, публичного ординарного красноречия, стихотворства и языка российского при Казанском университете профессора и члена Общества любителей отечественной словесности в Казани. Казань: В Унив. тип., 1816. С. 41. Ценз. разр. 27 ноября 1815 г. Печатается по этой публикации.

Городчанинов Григорий Николаевич (1771/1772–1852/1853) — профессор Казанского университета, поэт, переводчик. Учился в Нижегородской духовной семинарии и Московском университете. В 1806–1829 годах служил в Казанском университете, дважды избирался проректором. Редактировал «Казанские известия» (1811–1813), «Казанский вестник» (1821–1829), «Учёные записки Казанского университета». Состоял председателем Общества любителей отечественной словесности при Казанском университете (с декабря 1826). Автор стихотворных и прозаических сочинений разных жанров, речей по торжественным поводам. Сочинил «Опыт краткого руководства к эстетическому разбору по части российской словесности» (Киев, 1813). В 1816 году вышло первое издание его «Сочинений в стихах и прозе», в 1831 году — второе.

О. Сомов

Державину

Сонет

Впервые: Украинский вестник. 1816. Ч. IV. № 12. С. 343. С примеч. автора: «Писан еще во время жизни сего поэта». Печатается по этой публикации.

Сомов Орест Михайлович (1793–1833) — литературный критик, писатель, журналист. Обучался в Харьковском университете, первые стихи печатал в журнале «Украинский вестник». С 1817 года жил в е. Член Вольного общества любителей российской словесности (с 1818). Автор трактата «О романтической поэзии» (1823), повестей и рассказов по мотивам украинского фольклора: «Гайдамак» (1826), «Русалка» (1829) и другие. Сотрудник альманахов «Северные цветы» (1825–1832) и «Подснежник» (1829) А. А. Дельвига, совместно с которым редактировал «Литературную газету» (1830–1831).

¹ *Или героев древних певец...* — Имеется в виду Гомер.

В. Н. Олин

Элегия на смерть Державина

Впервые: Сын Отечества. 1816. Ч. 31. № XXIX. С. 104–105. Печатается по этому изданию.

Олин Валериан Николаевич (1788–1841) — писатель, поэт, журналист, переводчик, издатель «Журнала древней и новой словесности» (1819), литературно-критических газет «Рецензент» (1821) и «Колокольчик» (1831), альманаха «Карманная книжка для любителей русской старины и словесности» (1829–1832). Член-сотрудник «Беседы любителей русского слова».

«Элегия» Олина была напечатана вместе с «Некрологией Державина», написанной Н. Гречем.

А. ИЗМАЙЛОВ

Эпитафия Гавриилу Романовичу Державину

Впервые: Сын Отечества. 1816. Ч. 31. № XXIX. С. 108. Печатается по этому изданию.

Измайлов Александр Ефимович (1779–1831) — баснописец, издатель, публицист и педагог. Издавал журналы «Цветник» (1809–1810, совместно с А. Беницким), «Сын Отечества» (1817) и «Благонамеренный» (1818–1826). С 1816 до 1825 года был председателем Вольного общества любителей словесности, наук и художеств В 1826–1828 годах служил вице-губернатором сначала в Твери, затем в Архангельске. Преподавал словесность в Пажеском корпусе.

Эпитафия А. Измайлова была одним из первых печатных откликов на смерть Г. Р. Державина.

П. И. ШАЛИКОВ

Эпитафия Гавриилу Романовичу Державину

Впервые: Вестник Европы. 1816. Ч. 88. № 14. Июль. С. 152. Печатается по этой публикации.

Шаликов Петр Иванович (1768–1852) — писатель-сентименталист, журналист, издатель. Автор нескольких поэтических сборников и книг «Путешествие в Малороссию» (Ч. 1–2. М., 1803–1804), «Путешествие в Кронштадт» (М., 1805), «Повести князя Шаликова» (М., 1819). Издавал журналы «Московский зритель» (1806), «Аглая» (1808–1810, 1812), «Дамский журнал» (1823–1833), редактировал газету «Московские ведомости» (с 1813 или 1824 по 1836 гг.). Написал мемуарный очерк о Державине «Министр, Поэт, доброй человек, Патриот (*Достопамятность в моей жизни*)» (Аглая. 1810. Ч XII. Октябрь. С. 22–28).

Н. Г. ГОРОДЧАНИНОВ

Парнасский цветок на могилу Гавриила Романовича Державина

Впервые: Сочинения в стихах и прозе Григорья Городчанинова, надворного советника, публичного ординарного красноречия, стихотворства и языка российского при Казанском университете профессора и члена Общества любителей отечественной словесности в Казани. Казань: В Унив. тип., 1816. С. 87. Печатается по этой публикации.

А. ВОЛКОВА

Надгробный цветок знаменитому северному Барду, Гавриилу Романовичу Державину

Впервые: Волкова А. Надгробный цветок знаменитому северному Барду, Гавриилу Романовичу Державину. СПб.: Морская тип., 1816. Ценз. разр. от 18 июля 1816 г. Печатается по этой публикации.

Волкова Анна Алексеевна (1781–1834) — поэтесса. Первые стихотворения печатала в журнале «Новые ежемесячные сочинения» (1794), в 1807 году А. С. Шишков помог ей опубликовать сборник «Стихотворения девицы Волковой», в 1812 году сборник «Арфа стихогласная». Почетный член «Беседы любителей русского слова», печаталась в ее «Чтениях».

В. В. Капнист

На кончину Гавриила Романовича Державина

Впервые: Сын Отечества. 1816. Ч. XXXIII. № 39. С. 27. С пометой: Обуховка, 1816, авг. 18. Печатается по книге: Капнист В. В. Избранные произведения. С. 255.

Капнист Василий Васильевич (1758–1823) — поэт, драматург, общественный деятель. Автор оды «На рабство» (1783) и комедии «Ябеда» (1793). Близкий друг и родственник Г. Р. Державина (женаты на сестрах Дьяковых), участник львовско-державинского литературного кружка и «Беседы любителей русского слова», адресат стихотворений Державина.

В. В. Капнист

Ода на смерть Державина

Впервые: Труды Казанского общества любителей отечественной словесности. 1815. Кн. I. С. 308. (В действительности кн. I была напечатана в 1817 г.). Помета: 18 августа 1816 Обуховка. Печатается по книге: Капнист В. В. Избранные произведения. С. 304–308.

¹ ... *фар*... — «Фарос, небольшой остров близ Александрии; на нем Птоломей построил высокую башню, служившую маяком для руководства плавателей. Таковые построенные в других местах приняли название фара».

² *Элизей* — «Жилище, определяемое древними для умерших добродетельных людей».

³ *Затмилася небесна лира*... — «На звездной сфере, в северном отделении находится созвездие, Лирою именуемое».

⁴ *Как остров близнеца Дианы*... — «Мифологи повествуют, что Нептун воздвиг из моря остров Делос, для убежища Латоне, гонимой супругою Юпитера при рождении Аполлона и Дианы. По сей же причине остров Делос посвящен был богу стихотворства».

⁵ *Злый Хрон* — «Сатурн, означает время».

⁶ *Плутон забвения рекою* — «Лефе, известная адская река, которой имя значит забвение».

⁷ *Пергам* — «То же, что Илион и Троя».

В. В. КАПНИСТ

На тленность

Впервые: Сын Отечества. 1816. Ч. XXXIV. № 4. С. 158. С пометой: 1816, сент. 22, Обуховка. Печатается по книге: *Капнист В. В. Избранные произведения*. С. 255–256.

¹ Стихотворение начинается с оды Державина «На тленность» («Река времен...»), написанной поэтом в имении Званка за два дня до смерти на грифельной доске.

С. В. КАПНИСТ

Горсть земли на могилу благотворителя

Впервые: Горсть земли на могилу благотворителя. СПб.: В Морской тип., 1816. На с. 3 посвящение автора: «Друзьям Державина». Ценз. разр. 14 октября 1816 г. Ошибочно приписывалось В. В. Капнисту. Печатается по книге: *Капнист В. В. Избранные произведения*. С. 301–303.

Капнист Семен Васильевич (1791–1843) — сын В. В. Капниста, надворный советник, директор училищ Полтавской губернии (с 1834 года), поэт. Член «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств», в 1818–1821 годах член «Союза благоденствия». В 1813–1822 служил в Петербурге и жил у Державиных.

¹ *Сегодня Волхова струями / Тебя к могиле проводил.* — «Сочинитель, оставя покойного 7-го числа июля сего 1816 года в совершенном почти здравии, 10-го того же месяца возвратился в Званку, дабы проводить тело его по реке Волхову в Хутынский монастырь св. Варламия, где оно ныне покоится».

А. А. ДЕЛЬВИГ

На смерть Державина

Впервые: Отечественные записки. 1855. № 6. С. 48 (отрывок). Полностью: Соч. Державина. Т. IX. С. 550. Печатается по книге: *Дельви́г А. А.* Сочинения / Сост., вступ. статья, комментарии В. Э. Вацу́ро. Л. Худож. лит. Ленингр. отделение, 1986. С. 104–105.

Дельви́г Анто́н Анто́нович (1798–1831) — поэт, издатель альманахов «Северные цветы» (совместно с О. М. Сомовым, 1825–1830), «Подснежник» и «Литературной газеты» (с 1830). Выпускник Царскосельского лицея, друг А. С. Пушкина. Был увлечен античностью и русской народной лирикой, что нашло отражение в его творчестве. В юности горячий поклонник поэзии Державина. Печатался в журналах «Русский музей» (1815), «Новости литературы», «Благонамеренный» и других, в альманахах той поры.

Стихотворение «На смерть Державина» было прочитано в «Вольном обществе любителей словесности, наук и художеств» 31 января 1818 года для избрания Дельвига. Вошло в Лицейские сборники. Написано, вероятно, вскоре после кончины Державина.

А. И. НЕСТЕРОВ

При гробе Державина

Впервые: Вестник Европы. 1816. Ч. 90. № 21. Ноябрь. С. 17. Печатается по этой публикации.

Н. М. ШАТРОВ

Праху Державина

Впервые: Стихотворения Н. Шатрова / Ч. 1–3. СПб.: в Тип. Имп. Рос. Акад., 1831. Ч. 3. С. 104–107. Печатается по книге: Поэты 1790–1810-х годов. С. 593–595.

Шатров Николай Михайлович (1767–1841) — поэт, начал печататься в 1790-х годах, был близок кругу московских литераторов (М. М. Херасков, Н. П. Николаев). Известность ему принесли переложения псалмов и патриотические стихотворения 1812 года.

¹ Как бард шотландских берегов... — Речь идет об Оссиане.

² Как Рафаэль несравненный... — Намек на оду Державина «Изображение Фелицы», написанную в форме обращения к Рафаэлю.

³ И стройным лебединым пеньем... — Имеется в виду ода Державина «Лебедь».

⁴ ... и две Фелицы... — Оды Державина «Фелица» и «Изображение Фелицы».

В. С. ФИЛИМОНОВ

Надгробная песнь Державину

Впервые: Труды общества любителей российской словесности. 1817. Ч. VII. С. 44–46. Печатается по этому изданию.

Филимонов Владимир Сергеевич (1787–1858) — поэт, беллетрист, драматург, активно печатался в главных периодических изданиях своего времени. Произведения В. С. Филимонова пользовались успехом у современников, особенно его поэма «Дурацкий колпак» (1824), на которую отозвался А. С. Пушкин в послании «В. С. Филимонову» (1828).

¹ *Фивы* — «Фивы, место рождения славнейшего Греческого стихотворца Пиндара».

² *О, Новгород!* — «В Новгороде погребено тело Г. Р. Державина». Могила поэта находится в Варлаамо-Хутынском монастыре, расположенном неподалеку от Новгорода.

Н. Ф. ГРАММАТИН

Надпись к портрету Державина

Впервые: Украинский вестник. 1818. № 7. 16 февраля. С. 103. Печатается по книге: Поэты 1790–1810-х годов. С. 330.

Грамматин Николай Федорович (1786–1827) — поэт, переводчик, филолог, директор Костромских гимназий и народных училищ (1812–1819). В 1811 году по приглашению И. И. Дмитриева служил в Министерстве юстиции в Петербурге. Тогда же выпустил сборник «Досуги» (Ч. 1. СПб., 1811) и стал членом-сотрудником «Беседы любителей русского слова». С середины 1812 года до

1818 служил в Костроме директором гимназии и училищ. В его творчестве «чувствительность» соединялась с лексической архаикой, «русским складом». Переводил «Слово о полку Игореве». В 1813 году отправил Державину свое стихотворение «На смерть князя Голенщикова-Кутузова». На обороте ответного одобрительного письма поэта от 17 ноября того же года написал: «Я счастлив, я склонял к себе бессмертных взгляд: / По ним и мой талант и сердце оценят». (Соч. Державина. Т. VI. С. 274).

В «Украинском вестнике» одновременно с «Надписью к портрету Державина» было опубликовано еще 10 надписей. Вероятно, она не относилась к определенному изображению поэта. Однако, бывая в доме Державина, автор мог видеть знаменитый портрет поэта работы С. Тончи.

М. В. Милонов

На кончину Державина

Элегия

Впервые: Сатиры, послания и другие мелкие стихотворения Михаила Милонова, члена С. Петербургского вольного общества словесности наук и художеств. СПб.: В тип. Ив. Глазунова, 1819. С. 127. Ценз. разр. 12 окт. 1818 г. Печатается по книге: Поэты 1790–1810-х годов. С. 534–536.

Милонов Михаил Васильевич (1792–1821) — поэт. Писал автобиографические стихи и сатиры. В полемике архаистов и карамзинистов занимал независимую позицию. Посещал чтения «Беседы любителей русского слова». На 6-м ее заседании (26 января 1812) прочел стихотворение «К Меценату (подражание Горацию)». Высоко ценил поэзию Державина. Член Вольного общества любителей словесности, наук и художеств (с 16 ноября 1810 года). Автор единственного сборника «Сатиры, послания и другие мелкие стихотворения» (СПб., 1819).

¹ Эпиграф из «Гамлета» В. Шекспира. — Он был человеком в полном смысле слова, Мы больше не увидим подобного ему (англ.).

² *Кому, песнопевец, кому ты передал...* — Мотив «передачи лиры» присутствует в стихотворении Державина «Тебе в наследие, Жуковский, / Я ветху лиру отдаю...», не публиковавшемся при жизни поэта.

³ *Севера витязь* — А. В. Суворов.

⁴ «С величьем народа родится поэт» — поэтическая декларация Милонова, содержащая намек на то, что век оды сменился эпохой гражданской поэзии.

А. Родзянко

Державин

Впервые: *Благонамеренный*. 1819. Ч. 5. № 4. Февраль. С. 201–208. Печатается по этому изданию.

Родзянко Аркадий Гаврилович (1793–1846) — поэт, украинский помещик, близкий друг и сосед С. В Капниста. Обучался в Благородном пансионе при Московском университете. В декабре 1814 года на заседании «Беседы любителей русского слова» было прочитано его стихотворение «К другу» (напечатано в 18-ой кн. «Чтений»). В октябре 1815 года посетил Державина в Званке (Соч. Державина. Т. VI. С. 296). Стихотворение Родзянко «Развалины Греции» (1814) должно было прозвучать на заседании «Беседы» весной 1816 года.

¹ *Колелется Делидов храм...* — «Аполлон родился в Делосе и по месту его рождения древние часто называли его Делидом».

² *Где островитянин скупой...* — «Япония. См. Записки Головнина».

П. А. ПЛЕТНЕВ

Гробница Державина

Элегия

Впервые: *Сын Отечества*. 1819. Ч. LIV. № 25. 21 июня. С. 273–275. Печатается по книге: *Поэты 1820–1830-х годов*. Т. 1. С. 322–323.

Плетнев Петр Александрович (1791–1865) — критик, поэт, журналист, издатель, профессор и ректор Императорского Спб.ского университета (1840–1861). После смерти А. С. Пушкина редактировал «Современник», где было напечатано несколько материалов, посвященных Державину.

Эпиграф: измененные строки из послания Жуковского «К Вяземскому (Ответ на его послание к друзьям)» (1814).

¹ *То льется по лугам, как песня соловья...* — Эта и следующие строки подражают звукописи державинских стихов.

² *Или ревет, как Суна, водопадом.* — Отсылка к оде «Водопад», где воспета река Суна.

³ *В развалинах отечества Вадима...* — То есть в Новгороде, где жид легендарный Вадим Храбрый, поднявший в 864 году восстание против Рюрика.

⁴ *...прах Певца Ерусалима.* — Речь идет о Торквато Тассо.

В. И. ПАНАЕВ

К родине

(фрагмент)

Впервые: Соревнователь просвещения и благотворения. 1821. Кн. 2. С. 190. Печатается по книге: Русские поэты 1820–1830-х годов. Т. 1. С. 192–194. Дата создания: 1820.

Панаев Владимир Иванович (1792–1859) — поэт, тайный советник, статс-секретарь, член Российской Академии (1833), ординарный академик Императорской Академии наук (1841), почетный член Императорской академии художеств, Казанского университета и Общества любителей отечественной словесности при нем. Родственник (двоюродный внучатый племянник) Г. Р. Державина. Литературную известность получил после выхода сборника «Идиллии Владимира Панаева» (СПб., 1820). Автор «Воспоминаний», фрагмент которых, озаглавленный «О Державине», был опубликован в сб. «Братчина» (1859. Ч. 1. С. 105–128).

Стихотворение «К родине» написано в 1820 году во время посещения Панаевым казанского имения в Тетюшах. Было записано в альбом С. Д. Пономаревой 3 июня 1821 года.

¹ *Того бессмертного певца...* — Речь идет о Державине.

А. Д. ИЛЛИЧЕВСКИЙ

На кончину Державина

Впервые: Благонамеренный. 1822. Ч. 19. № 37. С. 416. С подписью А. И. В конце текста помета: Томск. Перепечатано в книге А. Д. Илличевского «Опыты в антологическом роде...» (СПб., 1827). Печатается по первой публикации.

Илличевский Алексей Демьянович (1798–1837) — поэт, лицеист пушкинского выпуска, статский советник. Писал басни, эпиграммы, послания. Рисовал

удачные карикатуры, сохранившиеся в сборнике «Лицейский Мудрец». Автор легких афористических стихотворений, объединенных в книгу «Опыты в антологическом роде...» (СПб., 1827).

К. РЫЛЕЕВ

Дума Державин

Впервые: Сын отечества. 1822. Ч. LXXXII. № 47. С. 31–35. Печатается по книге: *Рылеев К. Ф.* Думы / Изд. подготовил Л. Г. Фризман. М.: Наука, 1975. С. 91–98.

Рылеев Кондратий Федорович (1795–1826) — поэт, общественный деятель, декабрист. Член «Вольного общества любителей российской словесности» (с 1821). Издавал совместно с А. Бестужевым ежегодный альманах «Полярная звезда» (1823–1825). В 1823 году стал членом Северного общества декабристов, впоследствии возглавил его наиболее радикальное крыло. В 1820-е годы в альманахе «Полярная звезда», журналах «Соревнователь просвещения и благотворения», «Новости литературы» публикуются думы Рылеева. Современники отмечали их народность, «благородные чувствования, чистый и легкий язык». В 1825 году эти стихотворения выходят отдельной книгой, тогда же печатается поэма «Войнаровский», высоко оцененная современниками.

¹ *Над Хутынским монастырём...* — «Варлаамо-Хутынский Спасо-Преображенский монастырь, где похоронен Державин, находится в 7 км от Великого Новгорода».

² *«Вельможу должны составлять...»* — «См. оду Державина “Вельможа”». (Примеч. Рылеева).

³ *«Ваш долг на сильных не взирать...»* — «См. оду “Властителям и судиям”, его же».

⁴ *Ты памятник воздвигнул вечный...* — «См. “Памятник”, подражание Державина Горациевой оде: “Eregi monumentum a ere peiennius...”».

В. И. ТУМАНСКИЙ

Век Елисаветы и Екатерины

(Отрывок из послания к Державину)

Впервые: Литературные листки. 1823. № 1. С. 5 (фрагмент); полностью: *Туманский В. И.* Стихотворения и письма / Редакция, биографич. очерк и при-

меч. С. Н. Браиловского. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1912. С. 111–113. Печатается по книге: Поэты 1820–1830-х годов. Т. 1. С. 265–267.

Туманский Василий Иванович (1800–1865) — поэт, чиновник. Член «Общества любителей словесности, наук и художеств» (с 1818) и «Общества любителей российской словесности» (с 1821). Главным жанром в творчестве Туманского была элегия, в которой он, следуя сложившейся традиции жанра, добивается гармонии и выразительности. Печатался в журналах «Благонамеренный», «Московский вестник» (1827–1830). Общался с К. Ф. Рылеевым, А. А. Бестужевым и А. С. Пушкиным.

Стихотворение «Век Елисаветы и Екатерины (Отрывок из послания к Державину)» было с большим успехом прочитано на торжественном собрании «Общества любителей Российской словесности» в доме Г. Р. Державина 22 мая 1823 года.

¹ *Но в чуждой стороне изнемогая вновь...* — Речь идет о женитьбе Ломоносова в 1740 г. в Марбурге и бегстве его через Вестфалию в Россию.

² *Что друга обретет в российском Меценате!* — Меценатом назван И. И. Шувалов.

³ *Задумчиво стоит и ходит часовой.* — Картина, близкая 2-й строофе думы К. Рылеева «Державин».

⁴ *Вольтера побеждать аттическим пером...* — В переписке Екатерины II с Вольтером обсуждались и философско-политические темы.

⁵ *И, даже в Сан-Суси пугая Фредерика...* — Король прусский Фридрих II (1740–1786) подолгу жил во дворце Сен-Суси в Потсдаме.

Б. М. ФЕДОРОВ

Ободрение

(фрагмент)

Впервые: Благонамеренный. 1823. Ч. 23. № XIII. С. 303–308. Печатается по этому изданию.

Стихотворение было прочитано на торжественном собрании «Общества любителей Российской словесности» в доме Г. Р. Державина 22 мая 1823 года.

К-В <М. Д. КостоГоров>

Предание

Посвящено Н. М. К-чу <Княжевичу>

(фрагмент)

Впервые: Невский альманах на 1830 год. СПб., 1829. Ценз. разреш. 17 сентября 1829 г. С. 465–471. С подписью: К-в. Печатается по этой публикации.

КостоГоров Михаил Дмитриевич (1782–1834) — переводчик, секретарь при президенте Медико-хирургической академии Я. Виллие (с 1808 г.). Учился в Московском университете. В 1800–1803 гг. служил учителем российской грамматики и немецкого языка в Московском благородном университетском пансионе. Принимал участие в литературном «Собрании воспитанников благородного пансиона» и стал близким другом А. Ф. Мерзлякова, В. А. Жуковского, братьев Тургеневых, А. С. Кайсарова. Печатался в журналах «Приятное и полезное препровождение времени», «Иппокрена», сборнике «Утренняя заря». Участвовал в подготовке «Собрания образцовых русских сочинений в стихах и прозе» (Ч. 1–12. СПб., 1815–1817), которое издавалось А. Ф. Воейковым, В. А. Жуковским, А. И. Тургеневым.

Сюжетом стихотворения «Предание» стало посещение Иваном Грозным Варлаамо-Хутынского монастыря и совершившееся при этом чудо, напугавшее царя.

¹ *Святая обитель...* — Варлаамо-Хутынский монастырь.

² *Царь песней высоких...* — Г. Р. Державин.

М. ДЕЛАРЮ

К бюсту Державина

Впервые: Царское Село. Альманах на 1830 год / Издан Н. Коншиным и Б. Розеном. СПб.: Печатано в тип. Плюшара, [1830]. Ценз. разреш. 2 декабря 1829 г. С. 130. Также: Русский сонет. XVIII — нач. XX в. / Сост., послесл. и примеч. В. С. Совалина. М.: Моск. рабочий, 1983. С. 540. Печатается по первой публикации. Дата создания: 1829.

Деларю Михаил Данилович (1811–1868) — поэт, переводчик, выпускник Императорского Царскосельского лицея (1829). Публиковался в альманахах Дельвига и Пушкина, «Литературной газете», позднее в «Современнике» Плетнева. Под влиянием Дельвига был увлечен античностью, переводил Вер-

гилия и Овидия. Гекзаметры его перевода «отличались плавностью и звучностью». В поэзии Деларю присутствуют общеромантические темы и мотивы, выступающие иногда в «сентиментально-элегическом варианте».

Л. ИБРАГИМОВ

Память великому Державину

Впервые: Библиотека для чтения. 1839. Т. XXXIV. С. 7–9. Печатается по книге: Стихотворения Льва Ибрагимова. Казань: Унив. тип., 1841. С. 7–9.

Ибрагимов Лев Николаевич (1816 — не ранее 1867) — поэт, учитель Казанской гимназии, чиновник Горного ведомства. В 1830-е публиковался в журнале «Заволжский муравей». В 1841 году в Казани вышла его единственная книга «Стихотворения Льва Ибрагимова». Лучшую ее часть составили произведения, написанные в народном стиле. Самой известной стала песня «Ты душа ль моя, красна девица...»

К. А. Д.

На открытие памятника Гавриилу Романовичу Державину в Казани

Впервые: Казанские губернские ведомости. 1847. № 47. Печатается по этой публикации.

Стихотворение написано в связи с торжественным открытием 23 августа 1847 года во дворе Казанского университета памятника Г. Р. Державину по проекту академика К. А. Тона, со статуей и барельефами скульптора С. И. Гальберга.

А. Н. МАЙКОВ

Памяти Державина. При получении известия о победах при Синопе и Ахалцихе

Впервые: Известия императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности. 1854. Т. 3. Стлб. 388. Вошло в кн. Майкова «1854-й год».

Печатается по книге: *Майков А. Н. Избранные произведения / Вступ. статья Ф. Я. Приймы; Сост., подготовка текста и примеч. Л. С. Гейро. Изд. 2-е. Л.: Сов. писатель. Ленингр. отд-ние, 1977. С. 637–640.*

Майков Аполлон Николаевич (1821–1897) — поэт, член-корреспондент Академии наук (с 1853), тайный советник (с 1888). Первая его книга — «Стихотворения Аполлона Майкова» вышла в 1842 году. Шесть раз (последний в 1893 году) при жизни поэта издавалось «*Полное собрание сочинений*». Он писал антологические стихи, элегии, «картины», «акварели», послания, баллады, поэмы, обращался к философской лирике, откликнулся на современные события. Культивируя «возвышенное, полезное и прекрасное», считался одним из лучших поэтов своего времени.

Стихотворение «Памяти Державина», написанное в годы Крымской войны (датируется 2 или 3 декабря 1853 года), отразило общее увлечение «воинственным величием России». Позднее Майков считал недостатками стихотворений книжки «1854-й год» «не владение страстью, желание навязать ее всем, гнев на тех, кои ее не разделяли».

¹ *...о победах при Синопе и Ахалцихе.* — 18 ноября 1853 года эскадра адмирала П. С. Нахимова разгромила в Синопской бухте эскадру турецкого флота. Близ крепости Ахалцихе в Грузии русские войска одержали 14 ноября того же года победу над турками на суше.

² *Опять гремит Кагульский гром!* — Имеется в виду победа русских войск под командованием П. А. Румянцева при реке Кагул 21 июля 1770 года во время Русско-турецкой войны 1768–1774 годов.

³ *В ряду героев Измаила...* — Измаил был взят войсками А. В. Суворова 11 декабря 1790 года. Этому событию посвящена ода Державина «На взятие Измаила» (1790 – нач. 1791).

Г. ШЕНГЕЛИ

Державин

Впервые: *Шенгели Г. Раковина.* [Петроград]: Изд-во Камена, 1918. Печатается по книге: Шенгели Г. Раковина. М.; Петроград: Гос. изд-во, 1922. С. 84–85. Дата создания: 1918 год.

Шенгели Георгий Аркадьевич (1894–1956) — поэт и переводчик, критик, филолог-стиховед. Первый сборник стихов Шенгели «Розы с кладбища» (1914) написан под влиянием поэзии футуристов. В дальнейшем отошел от футуризма. Автор сборников «Гонг: Поэзия. Кн. V. (Пг., 1916), «Раковина» (М.; Пг.,

1922), «Планер: Стихи» (М., 1935) и других. Переводил Г. Гейне, Д. Байрона, Э. Верхарна, П. Верлена, В. Гюго, Вольтера. «Трактат о русском стихе» (1921) и «Практическое стиховедение» (1923; в 4-м издании 1960 г. «Техника стиха»).

Стихотворение посвящено встрече Державина с Пушкиным на переводном экзамене в Царскосельском лицее 8 января 1815 года.

О. Э. МАНДЕЛЬШТАМ

Стихи о русской поэзии

Впервые: Литературная Грузия. 1967. № 1. С. 69. Без первых двух строк. Печатается по книге: *Мандельштам О. Э. Собрание сочинений*: в 4 т. М.: Арт-Бизнес-Центр, 1994. Т. 3. С. 66–67. Дата создания: 3–7 июля 1932 года.

Мандельштам Осип Эмильевич (1891–1938) — поэт, прозаик и переводчик, эссеист, критик, литературовед. Один из крупнейших поэтов XX века. Автор сборников «Камень» (первое изд. 1913), «Tristia» (1922), «Вторая книга» (1923), «Стихотворения» (1928). В 1925 году напечатана его автобиографическая повесть «Шум времени», в 1928 году книга «О поэзии». Умер от тифа в пересыльном лагере под Владивостоком, где отбывал ссылку.

В. Ф. ХОДАСЕВИЧ

«Не ямбом ли четырехстопным...»

Впервые: Современные записки. 1939. Кн. 69. С. 254–255. Печатается по книге: *Ходасевич В. Ф. Собрание сочинений*: в 8 т. / Сост., подгот. текста, коммент. Дж. Малмстада, Р. Хьюза, вступ. ст. Дж. Малмстада. М.: Русский путь, 2009. С. 321–322. Дата создания: 1938 год.

Ходасевич Владислав Фелицианович (1886–1939) — поэт, переводчик, прозаик, критик. Первую книгу стихов «Молодость» выпустил в 1908 году. Заведовал московским отделением издательства «Всемирная литература» (1918–1920). Автор сборников стихотворений «Путём зерна» (1920) «Тяжёлая лира» (1921). С 1925 жил в Париже, где возглавлял литературный отдел газеты «Возрождение» (с 1927), издал книгу «Собрание стихов» (1927) и написал роман «Державин» (1931). С 1928 года работал над мемуарами (Некрополь. Воспоминания. Брюссель, 1939).

¹ *Но первый звук Хотинской оды...* — «Ода блаженныя памяти Государыне Императрице Анне Иоанновне на победу над турками и татарами и на взятие

Хотина 1739 года» М. В. Ломоносова была первым силлабо-тоническим стихотворением, написанным четырехстопным ямбом.

² Как оный славный «Водопад» ... — Речь идет об оде Державина «Водопад» (1791–1794).

Ю. ДОМБРОВСКИЙ

Державин

Впервые: Среди других имен: [Поэты — узники сталинских лагерей: Сборник] / Сост. и вступ. статья В. Б. Муравьевой. М.: Моск. рабочий, 1990. Печатается по книге: *Домбровский Ю. О.* Собрание сочинений: в 6 т. / Редактор-составитель К. Турумова-Домбровская. М.: Терра, 1992–1993. Т. 1. С. 325–327. Дата создания: 1940 год.

Домбровский Юрий Осипович (1909–1978) — прозаик, поэт, критик, мемуарист. В 1933 году был арестован и выслан из Москвы в Алма-Ату. Здесь в 1939 году опубликовал первую часть романа «Державин», за который его избрали в члены Союза писателей. Трижды был арестован. С 1949 года по 1955 год находился в заключении на Севере. В дальнейшем жил в Алма-Ате, с 1973 года в Москве. В 1964 году в журнале «Новый мир» был опубликован роман «Хранитель древностей». Роман «Факультет ненужных вещей», главное произведение Домбровского, впервые напечатали во Франции в 1978 году.

О стихотворениях цикла «Поэт и муза» К. Турумова-Домбровская пишет: «Похоже, неудовлетворенность тем, что ему не дали дописать роман "Державин" и высказать все свои размышления о судьбе поэта, вылилась у Ю. Домбровского в стихи. Может быть, окончательно они были обработаны уже в лагере». (Соч. Т. 1. С. 348).

¹ *Пленира* — Первая супруга Державина Екатерина Яковлевна Бастидон (1760–1794).

Н. БРАУН

Державин

Впервые: Браун Н. Новая лирика: 1955–1957. Л.: Совет. писатель, 1958. С. 89. Печатается по книге: *Браун Н.* К вершине века: Стихотворения / Сост. М. И. Комиссаровой-Браун; Вступ. статья Г. Филиппова. Л.: Худож. лит. Ленингр. отд-ние, 1982. С. 114–115. Дата создания: 1956 год.

Браун Николай Леопольдович (1902–1975) — поэт, писатель и переводчик. Окончил литературный факультет Педагогического института в Ленинграде.

Во второй половине 1920-х годов входил в творческое объединение Ленинградских писателей «Содружество». Во время войны был военным корреспондентом в осажденном Ленинграде. Автор более 15 сборников стихотворений.

Д. САМОЙЛОВ

Старик Державин

Впервые: *Самойлов Д.* Второй перевал: Стихи. М.: Сов. писатель, 1963. С. 13–14. Печатается по книге: *Самойлов Д.* Счастье ремесла: Избранные стихотворения / Сост. В. Тумаркин. М.: Время, 2010. С. 207–208. Дата создания: 1962 год.

Самойлов Давид Самуилович (1920–1990) — поэт и переводчик, фронтовик. Писал стихи о войне, о смысле жизни, о природе поэтического творчества. Автор книг «Ближние страны» (1958) «Второй перевал» (1962), «Дни» (1970), «Волна и камень» (1974), «Весть» (1978), «Залив» (1981), «Голоса за холмами» (1985), стиховедческого трактата «О русской рифме» (1973), в котором есть глава «Загадочная рифма Державина».

Г. ШПАЛИКОВ

Из цикла «Три посвящения Пушкину»

Печатается по книге: *Шпаликов Г.* Прощай, Садовое кольцо. Сборник стихов. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. Дата создания: ноябрь 1963 года.

Шпаликов Геннадий Федорович (1937–1974) — поэт, киносценарист, кинорежиссер. Написал сценарии фильмов «Застава Ильича», «Я шагаю по Москве» (1962), «Я родом из детства» (1966), «Ты и я» (1971). Стихи начал писать в конце 1940-х годов. Первый сборник «Избранное» (1979) был опубликован посмертно. Позднее вышли книги «Я жил как жил» (1998), «Пароход белый-беленький» (1998), «Прощай, Садовое кольцо» (2000).

С. ДРОФЕНКО

Державин

Впервые: День поэзии: Сборник / Редкол.: Н. Л. Браун и др. Л.: Сов. писатель. Ленингр. отд.-ние, 1966. С. 178–179. С названием «Встреча с Держави-

виным». С названием «Державин» в книге «Обращение к маю» (М., 1966). Печатается по книге: Дрофенко С. Стихотворения. М.: Сов. писатель, 1985. С. 152.

Дрофенко Сергей Петрович (1933–1970) — поэт, журналист. Заведовал отделом поэзии в журнале «Юность». Единственная прижизненная книжка стихов «Обращение к маю» (1966). Посмертно вышли книги: «Зимнее солнце» (1972), «Избранная лирика», «Стихотворения» (1985). Дрофенко в своем творчестве следовал традициям русской классической поэзии. Его стихи отличаются глубоким лиризмом, ответственным восприятием времени и себя в этом времени.

¹ «Едва увидел я сей свет...» — Цитата из оды Державина «На смерть князя Мещерского» (1779).

² «Я — сродоточие живущих...» — Цитата из оды Державина «Бог» (1784)

³ «Восстал всевышний бог, да судит...» — Цитата из оды Державина «Властителям и судиям» (1780?) (Переложение Псалма 81).

⁴ *Писал он оды на соседство...* — Имеются в виду оды Державина «К первому соседу» (1780) и «Ко второму соседу» (1791).

⁵ *влюблён в Пленуру и пчелу...* — Речь идет об одах, посвященных первой супруге поэта Е. Я. Бастидон (Пленуре) и стихотворении «Пчелка» (1796), ставшем известной песней.

⁶ «Шекснинска стерлядь золотая / И Мозель с Зельцерской водой!» — «Шекснинска стерлядь золотая — это рыба, выловленная в озере в районе города Шексна, что в Вологодской области». «Мозель белое столовое вино из Германии, с долины реки Мозель». «Зельтерской (сельтерской) в дореволюционной России называли столовую минеральную воду или просто газированную воду».

Слова из стихотворений Державина «Приглашение к обеду» (1795) и «К первому соседу» (1780).

⁷ «Державин нас заметил...» — Цитата из VIII главы «Евгения Онегина» А. С. Пушкина.

В. А. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Державин в Петрозаводске

Впервые: Звезда. 1972. № 2. С. 50. Печатается по книге: *Рождественский В. Избранное* / Вступ. статья А. Павловского: в 2 т. Л.: Худож. лит. Ленингр. отд-

ние, 1974. Т. 1. Стихотворения. С. 93. Дата создания: май 1970 года.

Рождественский Всеволод Александрович (1895–1977) — поэт, переводчик, журналист. Работал военным корреспондентом в газетах «На защиту Ленинграда», «Ленинградская правда», «Ленинский путь». Участвовал в прорыве блокады Ленинграда. В молодости был увлечен акмеизмом. Автор более 20 стихотворных сборников. Для его поэзии характерны классическое построение сюжетов, повествовательность, тонкое лирическое начало в описаниях природы и создании литературных портретов поэтов и композиторов.

¹ *пристойней были бы медведи!* — Во время службы Г. Р. Державина правителем Олонецкого наместничества (1784–1785) произошел курьезный случай: чиновник Молчин привел в здание суда ручного медвежонка и сказал сослуживцам «Вот вам, братцы, новый заседатель, Михаила Иванович Медведев». Эта история переросла в скандал; превратно изложенная в рапорте Сенату, она доставила Державину немало огорчений и переживаний.

² *Алмазна сыплется гора...* — Строки из оды Державина «Водопад».

А. М. Городницкий

Дом на Фонтанке

Впервые: *Городницкий А. М.* Новая Голландия: вторая книга стихотворений. Л.: Лениздат, 1971. С. 83–84. Ред. Н. Чечулина, которой посвящено стихотворение «Дом на Фонтанке». Печатается по книге: *Городницкий А. М.* Стихи и песни: Избранное. СПб.: Лимбус Пресс, 1999. С. 65. Дата создания: 1971 год.

Городницкий Александр Моисеевич (р. 1933) — поэт, один из создателей жанра авторской песни в России, ученый-геофизик, академик РАН (с 1993). Автор более 30 сборников стихотворений и песен, нескольких книг мемуаров. Заслуженный деятель науки Российской Федерации (2005) и заслуженный деятель искусств Российской Федерации (2013).

Я. В. Смеляков

Лавровый венок

Печатается по книге: *Смеляков Я. В.* Стихотворения и поэмы / Сост., подгот. текста и примеч. В. П. Ланиной; Вступ. статья Б. И. Соловьева. Л.: Сов. писатель. Ленингр. отд-ние, 1979. С. 452–453. Дата создания: 1972 год.

Смеляков Ярослав Васильевич (1913–1972) — поэт, переводчик, литературный критик. Был дважды репрессирован, реабилитирован в 1955 году. Возглавлял поэтическую секцию Союза писателей СССР. Дважды награжден орденом Трудового Красного Знамени. Автор сборников «Разговор о главном» (1959), «День России» (1967); «Товарищ Комсомол» (1968), «Декабрь» (1970) и других. Посмертно изданы «Моё поколение» (1973) и «Служба времени» (1975).

Б. ОКУДЖАВА

Державин

Печатается по книге: *Булат Окуджава. Посвящается вам: Стихи.* М.: Сов. писатель, 1988. С. 71–72. Дата создания: 1979 год.

Окуджава Булат Шалвович (1924–1997) — поэт, бард, переводчик, прозаик и сценарист, композитор. Автор около двухсот авторских и эстрадных песен. В 1950 году окончил Тбилисский государственный университет, работал учителем в Калужской области. С 1959 жил в Москве, выступал с концертами. Песни Окуджавы быстро приобрели известность, они звучали в кинофильмах, спектаклях, радиопостановках. Было издано более 30 сборников его стихотворений и несколько книг исторической и автобиографической прозы, выходили пластинки и компакт-диски. Скончался в Париже.

Б. АХМАДУЛИНА

«Я встала в шесть часов. Виднелась тьма во тьме...»

Впервые: *Ахмадулина Б. А. Грядя камней: Стихотворения, 1957–1992.* М.: ПАН, 1995. С. 217. Печатается по книге: *Ахмадулина Б. А. Сочинения: в 3 т.* М.: ПАН: ТОО «Корона-принт», 1997. Т. 2. Стихотворения 1980–1996. Переводы. Воспоминания. С. 115. Дата создания: 20 апреля 1983 года в Тарусе.

Ахмадулина Белла Ахатовна (1937–2010) — поэтесса, писательница, переводчица. Автор более 30 поэтических сборников: «Струна» (1962), «Озноб» (1968), «Уроки музыки» (1970), «Стихи» (1975), «Метель» (1977), «Свеча» (1977), «Тайна» (1983), «Сад» (1989) и других. Поэзия Ахмадулиной, одной из талантливейших поэтесс второй половины XX века, наследуя лучшие черты русской лирики, отличается напряженной эмоциональностью и изысканностью форм.

В. М. ВАСИЛЕНКО

Державин

Печатается по книге: *Василенко В. М. Птица солнца*. М.: Современник, 1986. С. 186. Дата создания: 1983 год.

Василенко Виктор Михайлович (1905–1991) — историк искусства, профессор МГУ, поэт, переводчик, литературный критик. В 1947 году был арестован, 9 лет провел в лагерях, в 1956 году реабилитирован. Автор поэтических сборников «Облака» (1983), «Птица солнца» (1986), «Сонеты» (1989), «Северные строки» (1991) и нескольких книг по истории русского народного искусства. Участвовал в восстановлении художественных промыслов Мстеры, Холуя, Федоскина, Городца, Хохломы, Холмогор, Тобольска.

В. БРИТАНИШКИЙ

«Державин был солдат...»

Архитектура и акустика державинской оды
Дым отечества
Старик Державин

Печатается по книге: *Британишский В. Л. Движение времени: Книга стихов*. М.: Сов. писатель, 1985. С. 32–33.

Британишский Владимир Львович (1933–2015) — поэт, прозаик, литературовед и переводчик, инженер-геофизик. Публиковался в журналах «Нева», «Звезда», «Аврора». Издал 9 сборников стихотворений, в их числе: «Поиски» (Л., 1958), «Наташа» (М., 1961), «Открытое пространство» (М., 1980), «Движение времени» (М., 1985), «Петербург — Ленинград» (СПб., 2003), «Сто стихотворений» (М., 2013).

¹ *Державин пишет*: «...финн... и гунн...» — созвучие из оды «Изображение Фелицы» (1789).

² ...*чуть видный вдалеке домой летящий парус...* — Державин родился в Казани и воспел родные места в оде «Арфа», с которой соотносится первая строфа стихотворения «Дым Отечества».

³ «*Персей и Андромеда*» — кантата Державина, написанная в связи со сражением при Прейсиш-Эйлау (26–27 января 1807 г.).

Комментарии

В. КОРНИЛОВ

Колокола Державина

Печатается по книге: *Корнилов В. Н. Покуда над стихами плачут...: книга о русской лирике.* М.: Время, 2009. С. 291. Дата создания: 1988 год.

Корнилов Владимир Николаевич (1928–2002) — поэт, писатель, литературный критик. Подвергался гонениям за подписанное им письмо «главам государств и правительств» в защиту академика А. Сахарова. Автор сборников стихотворений «Пристань» (1964), «Возраст» (1967), «Надежда» (1988), «Музыка для себя» (1988), «Польза впечатлений» (1989), романа «Демобилизация» (1990).

А. С. КУШНЕР

«Поднимаясь вверх по течению реки времен...»

Впервые: Кушнер А. С. Кустарник. СПб.: Пушкинский фонд, 2002. С. 24. Печатается по книге: *Кушнер А. С. В новом веке: стихотворения.* М.: Прогресс-Плеяда, 2006. С. 162. Дата создания: 2002 год.

Кушнер Александр Семенович (р. 1936) — поэт. Автор более 40 сборников стихотворений (в том числе для детей) и нескольких книг статей о классической и современной русской поэзии. Руководитель ЛИТО (с 1970-х). Особое место в творчестве Кушнера занимает образ его родного а Л.а, от которого неотделима судьба лирического героя поэта.

¹ *В своей оде предсмертной...* — Имеется в виду ода «На тленность» («Река времен...»), написанная Державиным на грифельной доске 6 июля 1816 года, за два дня до смерти. В настоящее время грифельная доска поэта хранится в Рукописном отделе Российской национальной библиотеки.

Словарь имен и названий

- Алкид (Геракл) — сын Зевса, совершил множество славных дел
- Амфион — сын Зевса и Антиопы, прославился как музыкант
- Анакреон — древнегреческий поэт VI в. до н. э.
- Андромеда — дочь эфиопского царя Кефея и Кассиопеи, спасенная от смерти Персеем
- Аполлон — сын Зевса и Лето, бог света (Феб), покровитель искусств.
- Атлант — титан, держащий на плечах небесный свод.
- Атриды — потомки царя Микен Атрея.
- Ахилл — т. е. Ахиллес, величайший ахейский герой в Троянской войне, главный герой «Илиады».
- Борей — бог северного ветра
- Венера — богиня любви и красоты
- Вулкан — бог огня
- Геликон — гора, где обитали музы.
- Годофред — Готфрид IV Бульонский (ок. 1060–1100)
- Гомер — древнегреческий поэт, автор «Илиады» и «Одиссеи»
- Гораций (Квинт Гораций Флакк; 65 г. до н. э. — 8 г. до н. э.) — древнеримский поэт
- Давид (906–836 гг. до н. э.) — царь Израиля и псалмопевец
- Дедал — изобретатель, художник и строитель
- Дельфы — древнегреческий город с храмом Аполлона
- Конфуций (ок. 551 — ок. 479 до н. э.) — китайский философ
- Марс — древнеримский бог войны
- Мевий — римский поэт, завистник Горация
- Морвен — гора в Шотландии
- Музы — богини поэзии, наук и искусств, дочери Зевса и Мнемосины
- Навин (Иисус Навин) — библейский персонаж, предводитель еврейского народа в период завоевания Ханаана, преемник Моисея
- Наяды — дочери Зевса, нимфы водных источников

- Орк — т. е. бог подземного царства Плутон
- Орфей — легендарный певец и музыкант
- Персей — сын Зевса и Данаи, победитель Медузы Горгоны
- Пинд — гора на границе Фессалии и Эпира
- Пифон — змей, охранявший вход в Дельфийское прорицалище
- Парнас — горный массив в Греции, символическое местообитание поэтов
- Прометей — один из титанов, защитник людей от произвола богов
- Сарданапал — мифический царь Ассирии
- Софокл (ок. 496 до н. э. — 406 до н. э.) — древнегреческий драматург
- Стикс — река в подземном царстве, через нее Харон перевозит души умерших
- Танаис — античный город в дельте Дона
- Улисс (Одиссей) — хитроумный царь Итаки
- Феб — Аполлон, покровитель искусств
- Фелица — богиня успеха и счастья, героиня «Сказки о царевиче Хлоре» Екатерины II и оды Державина «Фелица»
- Хирон — мудрый кентавр, изначально наделенный бессмертием
- Хрон (Хронос) — персонификация времени
- Эвксин — древнегреческое название Черного моря
- Элизей (Элисий) — лучшая часть загробного мира, обитель праведников
- Эрмий (Гермес) — бог торговли, покровитель юношества и красноречия
- Этна — самый высокий действующий вулкан в Европе

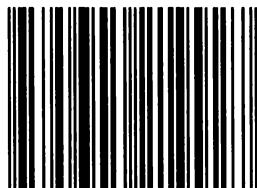
Литературно-художественное издание

ВЕНОК ПОЭТУ

Сборник стихотворений,
посвященных Г. Р. Державину

Редактор *М. Л. Куракина*
Художественный редактор *Е. В. Омельченко*
Верстка *Л. В. Васильевой*

ISBN 978-5-6052199-2-7

9 785605 219927 >

Подписано в печать 21.06.2024. Формат 60 × 84¹/₁₆.
Печ. л. 11,5. Печать офсетная. Тираж 100 экз. Зак. № 4-5447-IV

Отпечатано в ООО «Типография Фурсова»
Санкт-Петербург, ул. Заставская, д. 14 А